

Узакшыны дзетектыў

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Не царское дело

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

Не царское дело

«ЭКСМО»

2012

Куликова Г. М.

Не царское дело / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2012 — (Изысканный детектив от Галины Куликовой)

ISBN 978-5-699-59751-2

Думаете, стать богатой наследницей – это здорово? Да нет же, очень опасно! Настя Батманова, которой прабабушка оставила целое состояние, поняла это прямо в день оглашения завещания. Над ее головой стали стремительно сгущаться тучи, и вместо того чтобы наслаждаться свободой и праздностью, девушке пришлось скрываться от бандитов и расследовать серию убийств, связанных со старинной семейной легендой. А легенда эта гласила, что Вера Редькина, прабабушка Насти, дожившая аж до ста лет, на самом деле – чудом спасшаяся во время революции княжна Чернышова...

ISBN 978-5-699-59751-2

© Куликова Г. М., 2012

© Эксмо, 2012

Галина Куликова

Не царское дело

Ровно в десять часов тридцать минут утра ассистент генерального директора продюсерского объединения «Созвездие Ф» Анастасия Батманова решительным шагом вошла в кабинет своего шефа. Подойдя вплотную к гигантскому письменному столу, заваленному деловыми бумагами, папками с документами, телефонными трубками и мелким хламом, она решительно вздернула подбородок и громко возвестила:

– Валера, у меня важное сообщение!

Худощавый мужчина лет сорока, к которому были обращены эти слова, сидел в кожаном кресле, низко склонившись над столешницей. Крепко сжимая пузатую перьевую ручку, он что-то быстро строчил в сафьяновом ежедневнике. Иногда он на секунду-другую отвлекался, дабы поводить пальцем по экрану планшетника, пристроенного здесь же, возле левого локтя, затем снова хватался за свой эксклюзивный «Паркер».

Немного потоптавшись на месте, но так и не дождавшись ответной реакции, Батманова твердо заявила:

– Я не уйду отсюда, пока ты меня не выслушаешь. Это ультиматум.

– Золотко, ты не выспалась сегодня? – не поднимая головы, поинтересовался хозяин кабинета. – То-то гляжу – ни свет ни заря на работе. Обычно тебя раньше одиннадцати искать бесполезно. Только мне сейчас ужасно некогда, так что зайди минут через тридцать – я объясню, как надо говорить с той бабой из кинопоказа. Заодно расскажешь, что у тебя приключилось. Все, давай топай к себе и займись чем-нибудь полезным. Жду через полчаса.

У Насти было такое ощущение, будто весь этот монолог произнесла макушка генерального директора, потому что увидеть его физиономию ей так и не посчастливилось. В любой другой раз она бы сделала все именно так, как распорядился босс. Но только не сегодня.

– Через тридцать минут? Ну уж дудки! Тебе следует узнать обо всем прямо сейчас. Я увольняюсь! И вот мое заявление.

Настя перегнулась через стол и хлопнула бумажкой прямо перед носом начальника.

Лишь после этого он вышел из состояния производственного транса и поднял на свою ассистентку все еще отрешенные от здешнего мира глаза.

У генерального директора продюсерского объединения «Созвездие Ф» было много недостатков. Он был коварный, деспотичный, хамоватый и скупой до самозабвения. Недолюбливал женщин, опасаясь подвоха в виде замужества или внезапной беременности. Не доверял мужчинам, считая, что они воруют у него деньги или покушаются на его бизнес. Не понимал, для чего существуют домашние животные, аквариумные рыбки и комнатные растения. Он не отличался атлетическим сложением, был лопух и уже имел глубокие залысины в своей некогда густой каштановой шевелюре. Ко всему прочему он носил совершенно невозможную фамилию – Тазов.

Однако было у него одно весомое достоинство, которое отмечали все. Валерий Тазов умел ценить свои лучшие кадры. Он лично занимался подбором персонала, каким-то особым чутьем угадывая уровень компетентности или степень обучаемости конкретного индивида. Одному ему ведомыми методами он точно рассчитывал вероятный коэффициент полезности будущего сотрудника, а затем определял его на должность. За редким исключением его кадровые решения были точными, как трехочковые броски Майкла Джордана. Наиболее эффективные менеджеры всегда могли рассчитывать на благоволение шефа: внеочередной отпуск, потребительский кредит в разумных пределах и даже, хотя для Тазова это всегда было мучительно, прибавку к жалованью.

Анастасия Батманова, проработавшая в «Созвездии Ф» почти пять лет, являлась особой, приближенной к высшему руководству. Она считалась любимицей генерального директора и его левой рукой – потому что Тазов от рождения был левшой.

– Что-что ты сказала? – недоверчиво глядя на свою ассистентку, переспросил Валерий. – Повтори-ка.

– То, что ты слышал.

– Я слышал гадость! – Огромные тазовские уши покраснели, что являлось признаком крайнего раздражения. – Надеюсь, это была слуховая галлюцинация.

– Ты не страдаешь галлюцинациями, – фыркнула Настя. – Ни слуховыми, ни зрительными. Кстати, прямо перед тобой лежит мое заявление, в котором все подробно изложено. Валера, я увольняюсь.

– Никогда! Только через мой труп! – взревел Тазов и, резво стартовав из кресла, подлетел к Насте. Его округлившиеся от негодования глаза метали в нее громы и молнии. – Я не позволю тебе совершить такую глупость!

– Это не глупость, – спокойно возразила девушка, которая заранее подготовилась к сложному разговору. – Это вполне обдуманый шаг. Валера, я бы никогда так не поступила, если бы не особые обстоятельства. Ты же знаешь, как я люблю свою работу, всю нашу контору, какие у меня отношения с ребятами. И ты – замечательный начальник, мне очень комфортно было с тобой все это время, я за многое тебе благодарна, поверь! Но пойми – мне предоставлен шанс. Редкий шанс, и я не могу им не воспользоваться, а...

– Это все из-за квартиры в сталинской высотке? – перебил ее Тазов.

– Ну... Нет, конечно, лишь из-за этого я не стала бы увольняться. Но тут открылись другие, более интересные обстоятельства.

– Чушь собачья и блажь, – возмущенно взмахнул рукой Тазов. – Никакие обстоятельства не должны помешать человеку, который любит свою работу и успешно делает карьеру. – Он на мгновение замолчал, что-то прикидывая в уме, а потом продолжил свою атаку: – Я дам тебе отпуск. И оплачу его. Лети куда хочешь на две недели за мой счет. Отдохни и все хорошенько обдумай. А когда вернешься, мы спокойно обсудим твои «интересные обстоятельства».

– Нет, я и так уже все обдумала, – уперлась Настя.

– Я увеличу твою зарплату, – ввел в бой тяжелую артиллерию генеральный директор. – На двадцать пять процентов. На пятьдесят!

– Валера, ты не понимаешь... Мне ничего не надо...

– Тебе не нужны деньги? – искренне удивился Тазов.

– Деньги мне нужны, как и всем нормальным людям, но речь сейчас вовсе не об этом. Пожалуйста, подпиши мое заявление.

На целую минуту в кабинете повисла напряженная тишина. Босс сверлил Настю негодующим взглядом. Она же хмуро взирала на него исподлобья, всем своим видом демонстрируя упрямую решимость. Неожиданно щеки Тазова побагровели и, ткнув в изменницу тощим, но крепким пальцем, он выкрикнул:

– Ты выходишь замуж! Я так и знал, что это случится.

Разгневанный начальник несколько раз обежал вокруг своей ассистентки, словно сеттер, преследующий раненую куропатку.

– Ни за кого я не выхожу, – сквозь зубы процедила Настя, изо всех сил стараясь держать себя в руках и не раздражаться.

Но Тазов, будто не слыша ее слов, завершил нарисованное им трагическое полотно следующим штрихом:

– Нашла себе богатенького дядю? Или жертвой твоего очарования пал сынок какого-нибудь олигарха? А что? Я вполне готов в это поверить. У тебя приличные ноги, осанка коро-

левская и еще эти твои черные кудри, как у цыганки. Ну и глаза, конечно! Тут ты, Батманова, кому угодно сто очков вперед дашь. Выходит, стрельнула серенькими глазками, и готово?!

Настя молчала, крепко сжав челюсти. Не обращая внимания на ее оскорбленный вид, босс продолжал бегать кругами, приговаривая:

– Я предполагал что-то подобное. Да, я предполагал! Нельзя брать на службу привлекательных женщин. Это же закон природы! Три процента из них впоследствии становятся деловыми стервами и на твоих же костях строят собственный бизнес, а остальные выскакивают замуж, наплевав на работу и не заботясь о последствиях.

– Еще раз повторяю – я не выхожу замуж.

– А что же тогда? Внезапная беременность? – полным драматизма шепотом спросил Тазов.

– Опять?! – не сдержавшись, закричала Настя. – Ты уже подозревал меня в этом раз сто пятьдесят. Паранойя какая-то! И вообще, если бы я забеременела, то уж точно не стала бы увольняться, а дождалась декретного отпуска. Все твои выстрелы – мимо цели.

– Так в чем же дело? – снова набросился на нее Тазов. – Ты что, не можешь толком объяснить, что у тебя приключилось? Какого черта тебе взбрело в голову уходить именно тогда, когда все складывается исключительно удачно? Наша компания переживает время невиданного подъема, твоя карьера движется вперед семимильными шагами, и жизнь обещает устроиться наилучшим образом...

Он запнулся на полуслове, тяжело дыша. Настя посмотрела на него с жалостью и тихо сказала:

– Валер, ты не злись на меня, пожалуйста. И не считай предателем и неблагодарной сволочью. Думаешь, мне легко от всего этого отказываться? Я за это время много чего передумала, а последнюю ночь вообще не спала. Но решение принято, и обратной дороги нет. Так что ты лучше успокойся, садись в свое кресло, и я попробую тебе объяснить, что именно произошло.

А произошли в жизни молодой, обаятельной, незамужней, бездетной, к суду и следствию не привлекавшейся Анастасии Батмановой события, заставившие ее в корне изменить все свои планы. Как ближайшие, так и перспективные.

Все началось с недавнего телефонного звонка. Ночного звонка. Настя их не любила и боялась. Ночью могли позвонить только с какой-нибудь дикой просьбой. Или чтобы сообщить ужасную новость.

Так и вышло.

– Настя, – раздался взволнованный голос тети Зины. – Я тебя разбудила?

– Что ты, – пробормотала девушка, с трудом разлепив один глаз и покосившись на часы. – Кто же спит в такое время? Тем более скоро на работу вставать.

– Тебе прямо сейчас придется вставать. Ты мне очень нужна, я срочно еду к нашей Пчелке.

Пчелкой в Настинной семье называли прабабушку, Веру Алексеевну Завадскую. И именно Настя в свое время стала автором этого милого прозвища. Однажды, когда она была совсем еще маленькой, ей прочитали забавную сказку про трудолюбивую, хлопотливую и добрую пчелу Веру. Девочка мгновенно спроецировала этот образ на любимую бабуленьку, и остальные родственники охотно к ней присоединились. Вера Алексеевна и вправду была человеком очень энергичным, деятельным, предприимчивым. И даже в глубокой старости она умудрилась сохранить остроту ума и стремительность движений. Когда два года назад отмечали ее столетний юбилей, восседавшая во главе стола именинница, поигрывая бокалом, где исходило пузырьками розовое шампанское, гордо заявляла:

– В ответ на льстивые уверения, что мне не дашь моих лет, могу сказать следующее. Я выгляжу лет на восемьдесят пять, от силы – девяносто, и считаю это большим личным дости-

жением. Ответьте, сколько еще людей на земле может свободно жонглировать такими цифрами? В один год со мной родились гениальные писатели, артисты и даже племянник великого государя. Но только мне посчастливилось дожить до эпохи тотального Интернета.

И вот теперь тетя Зина разбудила Настю среди ночи сообщением о том, что собирается ехать к Пчелке.

– Что стряслось? Ей плохо? – испугалась девушка, мгновенно стряхнув с себя сонную одурь и приняв сидячее положение.

– Нет, не то чтобы совсем плохо, то есть совсем не плохо... Тьфу! Не в этом дело! – почему-то рассердилась тетя Зина.

– Как же ты меня напугала, – выдохнула Настя. – Я уже подумала, случилось что-нибудь... фатальное!

– Конечно, случилось, я тебе потому и звоню. Умерла она.

Настя медленно поднялась на ноги и уставилась немигающим взглядом в уже светлеющее окно.

– Ты это серьезно? – машинально задала она не самый умный при данных обстоятельствах вопрос.

– Настена, проснись! – заверещала в ответ тетя Зина. – Умерла Пчелка, царствие ей небесное.

– Умерла?!

Настя почувствовала, как у нее задрожали колени, и неловко опустилась обратно на кровать.

– Мне сиделка позвонила, – всхлипнула тетушка.

– И что теперь делать? – растерянно пробормотала Настя, чувствуя, как по щекам ее тоже потекли теплые противные слезы.

– Надо срочно туда ехать. Да еще известить всех, ты же знаешь, сколько у нее знакомых и друзей. Господи, возраст-то у нее какой! Я уж стала думать, она вечно будет жить. Жила себе и жила... И вот – на тебе!

– И вот – на тебе, – сдавленным голосом повторила Настя.

– Теперь нужны справки всякие получать, вызывать агента похоронного, о кладбище договориться, поминки организовать, – на едином дыхании выпалила тетя Зина. – В общем, ты должна мне помочь. А то я с ума сойду. Тебя отпустят с твоей дурацкой работы?

– Почему же дурацкой? – вдруг обиделась Настя, как будто сейчас это имело какое-то значение. – Нормальная работа с ненормированным графиком. Я отпрошусь, конечно. Только не сию секунду, а то шеф еще спит. В общем, ты собирайся, я через час за тобой заскочу и вместе поедem к Пчелке. Она ведь дома, не в больнице?

– Дома. Может быть, такси возьмем? – осторожно предложила тетка. – Как тебе сейчас за руль-то садиться? У тебя небось руки-ноги трясутся. Я же знаю, как ты ее любила.

Настя действительно сильно была привязана к своей прабабушке. И очень ею гордилась. В Веру Алексеевну вообще были влюблены все, кому доводилось с ней соприкасаться. Маленькая, изящная, с лицом, какие можно встретить лишь на миниатюрах девятнадцатого века, она была отменно воспитана, добра и обладала потрясающим чувством юмора. Она всегда тщательно следила за своей внешностью, а ее прически и наряды поражали воображение и вызывали зависть у соседок по дому. Настю же особенно восхищала в прабабушке ее удивительная активность. Вера Алексеевна обожала посещать театры и кино, ездить по магазинам и ужинать в ресторанах. Еще она была заядлой путешественницей и объехала за свою долгую жизнь чуть ли не весь мир.

«А как лихо она умела рулить», – неожиданно для себя подумала Настя, живо представив прабабушку за рулем «ЗИСа». В числе других автомобилей он достался Вере Алексеевне от покойного мужа, и она с удовольствием рассекала на нем по городу, приводя в весе-

лое недоумение гаишников. Завидев восседавшую в редкостной машине благородную старую даму, те расплывались в почтительной улыбке и отдавали ей честь. Водить машину Пчелка перестала лишь после того, как несколько лет назад попала в аварию и сломала ногу. С тех пор она частенько сетовала на то, что не может предаваться любимому занятию, однако за руль благоразумно больше не садилась.

Настя потрясла головой, отгоняя непрошенные сентиментальные видения, для которых сейчас явно было не самое подходящее время. Она глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки, вытерла слезы и решительно сказала в трубку:

– Ничего, все нормально, жди меня. Я быстро соберусь.

– И денег захвати, – напомнила тетя Зина. – Без них нынче никуда. Даже на тот свет.

Спустя пару дней после всех полагающихся скорбных мероприятий в квартире Насти раздался телефонный звонок. Определившийся номер был незнакомым.

– Добрый вечер. Это Анастасия? – зазвучал в трубке решительный женский голос.

Так ее любила называть Пчелка, и Настя, которая до сих пор не оправилась после ее смерти, грустно вздохнула.

– Да, это я.

– Меня зовут Маргарита Платоновна Силина, – представилась звонившая. – Скорее всего, вы меня не помните, но я многие годы была дружна с вашей прабабушкой Верой Алексеевной.

«Интересно, что ей от меня нужно? – вяло подумала Настя. – Или ей просто хочется выговориться, повспоминать Пчелку? Ох, как это все не ко времени...»

Однако с ходу придумать предлог, чтобы отделаться от неожиданной собеседницы, у нее не получилось, поэтому пришлось разыгрывать любезность.

– Очень приятно, Маргарита Платоновна. Слушаю вас.

– Я не отниму много времени, – сказала женщина, которую ничуть не смутило отсутствие энтузиазма в Настином голосе. – Я лишь хочу сообщить вам, что в свое время помогала Вере Алексеевне составлять завещание. По профессии я нотариус, и она просила меня проследить, чтобы все ее пожелания были исполнены в точности. Сейчас я объясню вам, что надо сделать, чтобы открыть наследственное дело.

– Простите, но я не очень понимаю... – растерянно начала Настя, однако Силина ее перебила:

– Дело о наследстве. То есть, говоря попросту, вам следует начать процедуру вступления в права наследников. Возьмите бумагу и ручку – я продиктую адрес, по которому вам следует явиться.

– Нет, подождите минуточку, – запротестовала Настя, которую нахрапистость собеседницы и ошеломила, и рассердила одновременно. – Но я ведь с вами совершенно не знакома, никогда не видела, и вдруг... Откуда я знаю, что это не шутка или вообще какая-нибудь афера?

– Мы с вами встречались, но очень давно – вы тогда были совсем маленькой, – усмехнулась в трубку Маргарита Платоновна. – И на похоронах я была, только подходить к вам не стала, там и без того много всякого народа крутилось.

Настю почему-то покорило последнее слово. Как будто эта женщина пренебрежительно относилась ко всем тем, кто пришел проводить прабабушку в последний путь.

– Допустим, – сухо сказала она. – И все же я не совсем уверена. Звоните неожиданно, предлагаете мне куда-то идти...

– Не куда-то, а в нотариальную контору, – терпеливо продолжала гнуть свое Силина. – К человеку, облеченному вполне конкретными полномочиями. Конечно, если у вас есть какие-то сомнения, можете сначала навести обо мне справки. Это очень легко сделать. Но уверяю вас, что ничего криминального в моем звонке нет – с такими вещами не шутят. Просто все дело в

том, что наследники зачастую не знают, где и как искать завещание, не знают, существует ли оно вообще, а если существует, то у какого нотариуса оно хранится. Вот вы же не знаете?

– Не-ет... – вынуждена была согласиться Настя.

Конечно, она понимала, что рано или поздно встанет вопрос о том, кому достанется все Пчелкино имущество. Но пока никто из родственников не заводил разговор о дележе наследства, поэтому размышления о нем были расплывчатыми и мельтешили как бы на заднем плане. Однако теперь, когда нотариус Силина четко сформулировала задачу – «начать процедуру вступления в права наследника», – Настя поняла, что пришла пора действовать.

– Ну хорошо, – смиренно произнесла она, – где я могу вас найти?

– Не меня, – возразила Маргарита Платоновна, – а нотариуса Семена Григорьевича Липкина. Именно у него хранится завещание.

– А почему же тогда мне звоните вы, а не Липкин? – не поняла Настя.

– Наверное, потому, что Семен Григорьевич еще не знает о смерти Веры Алексеевны. А я знаю.

Насте все это показалось странным, но продолжать выяснять отношения с Силиной совсем не хотелось. Покорно вздохнув, она поинтересовалась у своей собеседницы, какие документы ей нужно будет принести с собой к нотариусу.

– Принесите лишь свидетельство о смерти Веры Алексеевны, а дальше он все сделает сам.

Настя старательно записала телефон и адрес Липкина, которые продиктовала ей Маргарита Платоновна, быстренько попрощалась и сразу же принялась названивать тете Зине.

– Интересно, почему эта Силина решила обсуждать наследственные дела именно с тобой, а не со мной? – первым делом поинтересовалась та, как только племянница закончила свой рассказ о неожиданном звонке.

– Не знаю, – растерялась Настя. – Она меня так огорошила, что я даже не догадалась об этом спросить. Конечно, ты права, логичнее было бы связаться именно с тобой – ты же в семье старшая.

– Ладно, потом все выясним, – уже менее воинственным тоном продолжала тетка. – Но, в общем, от Пчелки я ждала чего-то подобного. Никто и не сомневался, что вопрос о своем имуществе она на самотек не пустит. Бабуля всегда была практичной женщиной. И предусмотрительной. Значит, говоришь, завещание оставила? То есть обо всем позаботилась? Понимала, что после ее смерти начнутся всякие склоки.

– Да какие же склоки? – удивилась Настя. – Родственников раз, два и обчелся. И потом, она же не миллионершей какой-нибудь была. Чего тут особо делить?

– Не скажи, – глубокомысленно ответила тетя Зина. – Ее квартира в этой сталинской высотке знаешь сколько сейчас стоит? Опять же машины раритетные...

– Ой, про машины я даже не подумала.

– Именно, что не подумала. А когда есть, что делить, желающие найдутся. Близких-то родных, может, и нету, зато отыщутся какие-нибудь дальние. О ком мы слыхом не слыхивали. Как пить дать отыщутся.

Судьба Веры Алексеевны сложилась так, что у нее было множество друзей и знакомых, а вот родственников почти не осталось. Муж ее, Леонид Миронович, с которым они успели отпраздновать золотую свадьбу, умер четверть века назад. Пережила она и своих детей – Сергея и Марию, и даже внуков. Так и получилось, что на сегодняшний день из всей семьи Завадских остались лишь дочь Сергея Зина и две правнучки Веры Алексеевны – Зинина дочка Даша и внучка Марии Настя.

«Есть в этом какая-то ужасная неправильность, – грустно сказала Вера Алексеевна после похорон Настиных родителей. – Уходят мои дети и внуки, а я вот до сих пор топчу эту грешную землю». Впрочем, меланхолия, равно как и хандра, была ей чужда, а уныние она вообще почитала за самый большой грех. Наверное, именно поэтому Насте всегда казалось, что при

таким жизнелюбии прабабушка доживет как минимум до двухсот лет. Она привыкла видеть лукавый взгляд Пчелки, слышать ее веселый, заразительный смех и ни разу по-настоящему не задумывалась о том, что та может умереть. Но это случилось, и теперь им предстоит разбирать ее вещи, просматривать документы, подписывать бумаги – делить наследство.

«Какое печальное слово – «наследство», – подумала Настя. – В нем чувствуется горький привкус несчастья. И еще раздора. Потому что, как правильно заметила тетя Зина, желающих поучаствовать в дележе имущества всегда хватает. С другой стороны, на похоронах я что-то родственников особо не видела – ни близких, ни дальних. Только толпу друзей и знакомых».

– Как ты думаешь, – снова обратилась она к тетушке, – откуда кто-то, кроме нас, может узнать о завещании? Мы же не давали объявления в газеты и все такое?

– Э, слухами земля полнится, – со знанием дела возразила та. – Вот сама увидишь, сколько всего неожиданного всплывет.

И тетя Зина, как это частенько бывало, оказалась права.

По дороге к нотариусу Настя ужасно волновалась. Руки ее нервно сжимали руль, а в животе противно ныло. До нынешнего момента ей уже несколько раз доводилось сталкиваться с представителями этой профессии. И все они почему-то оказывались суховатыми надменными тетками неопределенного возраста, которые никогда не смотрели в глаза, а слова цедили так, будто на каждом стоял ценник и они боялись продешевить.

К тому же девушку тревожила процедура оглашения завещания, которую ей предстояло пережить в недалеком будущем. Из головы не шли слова тети Зины о том, что во время оглашения завещания могут всплыть какие-нибудь неприятные неожиданности.

«Да что такого может случиться? – уговаривала себя Настя. – Пчелка наверняка никого не обидела и разделила свое добро поровну – мне, тете Зине и Дашке. Квартира, машины, украшения – это, конечно, немалые деньги. Но и не такие, из-за которых разгорается семейная вражда. Как-нибудь договоримся. Если, конечно, речь не идет о несметных сокровищах князей Чернышевых».

Настя улыбнулась неожиданно пришедшей в голову мысли. Легенда о дворянском происхождении Веры Алексеевны существовала в семье Завадских с незапамятных времен. Правда, каких-либо документов, которые могли бы это подтвердить, Настя ни разу не видела, однако рассказы прабабушки о детстве ей слышать доводилось. Не то чтобы Пчелка очень уж любила пускаться в воспоминания, но если кто-то все же заводил разговоры о прошлом, она охотно подключалась к беседе.

По ее словам выходило, что родилась она в семье князей Чернышевых и до восьми лет прожила в столице Российской империи Санкт-Петербурге. Потом случилась революция семнадцатого года, которая круто изменила историю всей страны в целом и судьбу Веры Чернышевой в частности. Родители ее по какой-то причине не успели уехать за границу, за что и поплатились жизнью – были расстреляны большевиками. А Верочку спасла преданная старушка няня, которая сумела увезти ее в Москву и пристроить в семью своих дальних родственников Редькиных. Воспользовавшись царившими повсюду хаосом и неразберихой, те без особого труда удочерили маленькую княжну Чернышеву, которая с той поры превратилась в Веру Редькину.

Приемный отец Верочки, Алексей Иванович, был человек мастеровой, веселый и, что удивительно, непьющий. С молодых лет он работал на одном из московских заводов, то есть принадлежал к классу-гегемону. Вероятно, поэтому волны политических репрессий, то и дело захлестывавшие страну, обошли эту семью стороной.

Его жена, Пелагея Петровна, стала для Веры хорошей матерью. Хозяйственная и добрая, она никогда ни на что не жаловалась, хотя вела дом и воспитывала троих детей – Петю, Катюшу и Аню. В те тяжелые, голодные годы решиться взять в семью еще одного ребенка было непро-

сто. Но Редькины решились, а потом постарались сделать все, чтобы приемная дочка не чувствовала себя чужой и одинокой.

«Похоже на диснеевскую сказку «Анастасия», – снова улыбнулась про себя Настя. – Пожалуй, я была единственной, кто поверил в эту сказку безоговорочно».

Насте было лет четырнадцать, когда она впервые услышала от прабабушки историю ее детства. Рассказ Веры Алексеевны произвел на девочку неизгладимое впечатление. С одной стороны, Насте нравилось думать о том, что в жилах ее течет дворянская кровь. И, конечно же, как и полагается привилегированным особам, мечтать о принце на белом коне. С другой стороны, ее не могла не потрясти трагедия, которую много лет назад пришлось пережить ее любимой Пчелке. Настя честно пыталась представить, какие чувства должна была испытывать маленькая княжна Чернышева, лишившись не только родителей, но и привычного образа жизни. Если бы девочку удочерили совсем малышкой, она вряд ли запомнила бы свое прошлое и в итоге выросла бы полноценной Верой Редькиной. Но восьмилетний ребенок!

Сама Пчелка, рассказывая о произошедших в ее жизни катаклизмах, предпочитала придерживаться фактов и в психологические подробности никогда не вдавалась. Но Настю интересовали именно эмоции, и однажды она все же отважилась спросить:

– Бабуль, а ты всегда помнила своих настоящих маму и папу?

Вера Алексеевна, подняв от книги по-прежнему изящную головку, внимательно посмотрела на правнучку. Немного помедлив, она осторожно кивнула:

– Конечно, я и до сих пор их помню. А почему ты спрашиваешь?

– Я много думаю о том, какие ужасы тебе довелось пережить, и пытаюсь представить себя на твоём месте, – честно призналась Настя. – Но у меня это плохо получается – все выглядит слишком сложным и слишком страшным. Думаю, ты – героиня, каких мало.

– Ну что ты, деточка, какая же я героиня? – махнула рукой Вера Алексеевна. – И вообще, зачем тебе это представлять? Не забивай себе голову. А к моим рассказам относись как к живой истории. Это ведь была трагедия вселенского масштаба, и таких, как я, были тысячи.

– Но ведь ты росла в прекрасной семье, все вокруг тебя любили, ласкали, баловали, – не унималась Настя. – К тому же ты жила в роскоши. Слуги, няньки, гувернантки. А потом – бац, и из всех этих княжеских заморочек ты попала в совершенно другой мир. Это же... Это совершенно невыносимо!

– Княжеские заморочки, – тихонько засмеялась Вера Алексеевна. – Надо же, какие слова придумала. Ну что ж, в чем-то ты несомненно права – смириться с новой жизнью было трудно. Я ужасно тосковала по маме, по своим подружкам, по нашему дому... У нас был прекрасный дом, один из самых красивых в городе. Еще у нас были лошади, и отец учил меня ездить верхом. А моя детская комната?! Боже мой... Верить ли, но она мне иногда и сейчас снится. Рождественская елка, игрушки... И вдруг будто ураган налетел – завертело-закрутило, и ничего этого не стало. Зато появилось новое, чужое, незнакомое. Позже я, конечно, поняла, что мне здорово повезло попасть в хороший дом, к добрым людям. Но поначалу было очень страшно. Очень...

– Как же ты справилась? – дрожащим голосом спросила Настя, у которой сердце сжималось от жалости.

– Справилась, как видишь. И вроде бы даже неплохо, – усмехнулась Вера Алексеевна. – А все моя дорогая нянюшка. Она была отважной и очень сердечной женщиной, которая не только спасла меня от пьяных солдат, но сумела подбодрить и утешить. Всю дорогу, пока мы ехали из Петербурга в Москву, она гладила меня по голове и приговаривала: «Не надо плакать, все будет хорошо. Только нужно подождать и потерпеть. Если ты перестанешь плакать и будешь хорошо себя вести, то мы скоро снова вернемся домой. Но пока что тебе придется побыть в другом месте, у незнакомых людей. Ты не должна их бояться – они очень хорошие, они тебя не обидят».

Вот ты поживешь у них немножко, а потом уж поедем домой». Я все спрашивала, когда снова увижу маму и папу, но она ловко уходила от ответа – наверное, не могла солгать мне в глаза.

Когда она привезла меня к Редькиным, я снова принялась плакать и никак не могла успокоиться. Невозможно было смириться с тем фактом, что вот эти чужие люди – моя новая семья. Тогда няня опять стала уговаривать меня немножко потерпеть и подождать. Вот я и ждала. Хотя еще долго не понимала, почему мне нельзя никому говорить про мою прошлую жизнь и упоминать титул и фамилию.

Глаза старушки неожиданно увлажнились, и она судорожно вздохнула. Однако быстро справилась с минутной слабостью, ловко выдернула из рукава платочек и промокнула им непрошенные слезы.

– Теперь-то я понимаю, почему в своих рассказах ты никогда не вдаешься в подробности, – сказала Настя, которая и сама еле сдерживала слезы. – Тебе до сих пор тяжело обо всем этом вспоминать, правда?

– В какой-то мере, – согласно кивнула Пчелка. – Несмотря на возраст, у меня живое воображение. К тому же я очень сентиментальна, поэтому мрачные воспоминания меня легко огорчают. Но иногда мне даже хочется поворошить прошлое. Вот и сегодня... Хорошо, что ты спросила – я рада нашему разговору.

«И я тоже была страшно рада, что прабабушка решилась тогда со мной пооткровенничать, – припомнила Настя. – Жалко только, что подобные беседы случались у нас нечасто. Но разве можно винить Пчелку за то, что она не хотела лишний раз беречь себе душу?»

Занятая своими воспоминаниями, Настя не заметила, как добралась до места. К великому ее облегчению, Семен Григорьевич Липкин оказался милейшим пожилым джентльменом. Правда, внешность его не совсем соответствовала тому образу, который заранее нарисовала в своем воображении Настя: судя по густому низкому голосу, который она слышала по телефону, нотариус представлялся ей крупным мужчиной шалыпинского склада. На самом деле Липкин оказался низеньким старичком с лохматыми бакенбардами, большущим носом и круглым пузцом. Свою клиентку он встретил радушной улыбкой, но глаза его при этом оставались профессионально-холодными и внимательными.

Семен Григорьевич усадил Настю в удобное кожаное кресло, самолично заварил для нее чай и лишь затем приступил к делу.

– Вам уже приходилось прежде выступать в роли наследницы? – поинтересовался он, по-прежнему не сводя с Насти цепкого взгляда.

– Нет, пока еще ни разу. Хотя я, конечно, много про это слышала...

– И что же вы слышали?

– В основном только плохое, – смущенно улыбнулась девушка. – Как люди скандалят и грызутся из-за денег.

– К сожалению, тут вы попали в самую точку, – не слишком солидно хихикнул нотариус. – Как сказал классик: «Квартирный вопрос их испортил». И не только квартирный. Впрочем, будем надеяться, что ваш случай станет приятным исключением. Здесь ведь многое зависит от того, насколько грамотно составлено завещание. Я неплохо знал вашу прабабушку, и мне она всегда казалась здравомыслящим человеком. А также весьма и весьма практичным.

– Моя тетя говорит то же самое.

– Ну вот и чудесно, тогда начнем. Сначала я объясню вам суть предстоящей процедуры. Если у вас возникнут вопросы, задавайте их по ходу дела – не стесняйтесь. Вы принесли свидетельство о смерти?

Настя молча достала документ и протянула нотариусу. Семен Григорьевич надел очки, внимательно прочитал бумагу и аккуратно положил ее на стол.

– Теперь, в соответствии с регламентирующими документами, мне предстоит в течение следующих двух недель собрать у себя всех заинтересованных лиц и свидетелей, – начал объяснять он. – Заинтересованные лица, то есть наследники по закону...

Однако увидев растерянность на лице клиентки, Липкин прервал себя на полуслове и, расплывшись в извиняющейся улыбке, сказал:

– Что это я, в самом деле? Стоит ли забивать вам голову всякими юридическими терминами? Давайте-ка я объясню все попроще. Хотя как раз ваша прабабушка оказалась любительницей всяких премудростей.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Настя. – Каких таких премудростей?

– Видите ли, существует такая специальная процедура, которая называется закрытое завещание. Это довольно сложный вариант, но Вера Алексеевна избрала именно его. Суть заключается в том, что завещатель составляет документ заранее, а потом уже в присутствии двух свидетелей передает его на хранение нотариусу. При этом ни нотариус, ни свидетели не имеют никакого представления о содержании этой бумаги. Короче говоря, приняв у вашей прабабушки уже запечатанный конверт, я дал его на подпись двум свидетелям, а потом положил его в другой конверт, который собственноручно запечатал. Теперь вы понимаете, что такое «закрытое завещание»?

– Да, понимаю. То есть может так получиться, что его содержание будет сюрпризом не только для меня, но и для вас?

– Совершенно верно.

– А вот вы говорили, что завещание обязательно должно быть составлено правильно...

– Да, это очень важный момент. Впрочем, ваша прабабушка консультировалась по данному вопросу с Маргаритой Платоновной Силиной, а она очень опытный нотариус. У меня Вера Алексеевна тоже получила подробные консультации. Уверен, что в итоге все было сделано юридически правильно. В противном случае, конечно, могут возникнуть всякие недоразумения, споры и как следствие – долгие судебные тяжбы.

– Да не будем мы судиться, – сурово заметила Настя. – Родни у нас немного, и мы все друг другу доверяем...

– Смею заметить, что в моей практике бывали случаи, когда люди готовы были убить ближнего из-за чайного сервиза, – криво усмехнулся Липкин. – Однако пойдем дальше. Как я уже упомянул в самом начале, в течение следующих двух недель необходимо будет собрать у меня всех тех, кто в принципе может претендовать на наследство. Вы что-нибудь слышали об очередности при наследовании?

– Кое-что, конечно, слышала. Но, по-моему, там все кошмарно сложно.

– Да что вы, ничего особенного. Все возможные наследники по закону делятся на восемь очередей. Первая очередь – это супруги, родители, дети, а также внуки и их потомки по праву представления.

– А это как? – нахмурила брови Настя.

– Примерно как в вашем случае – дочь Веры Алексеевны и ее внучка, ваша мама, умерли, так что теперь вы наследница по закону первой очереди.

– Ясно. Соответственно, к этой же категории относятся тетя Зина и ее дочь Даша – внучка и вторая правнучка Пчелки, верно? – уточнила Настя.

– Если я правильно понял, Пчелкой вы называли вашу прабабушку? – не ответив на ее вопрос, поинтересовался Семен Григорьевич, и девушка с печальным видом кивнула. – А тетя Зина – это, надо полагать, внучка Веры Алексеевны?

– Да, она дочь Сергея Леонидовича, ее сына. Правда, я его никогда не видела, он давно уже умер. И муж тети Зины тоже умер, три года назад, чуть раньше моих родителей.

– А Даша, получается, их дочь и ваша двоюродная сестра.

– Точно. Так что сами видите, родных у прабабушки почти совсем не осталось, только мы трое.

– Ну что же, такое тоже бывает. Вы мне подскажете координаты вашей тети? Чтобы я мог официально пригласить ее на процедуру оглашения завещания. – Настя кивнула, и Липкин продолжил свои комментарии: – Теперь перейдем ко второй очереди наследников, к которой относятся родные братья и сестры завещателя, а также его дедушки, бабушки, племянники и племянницы... Вы знаете кого-нибудь, кто попадал бы в эту категорию?

Настя быстро прикинула, что речь в данном случае идет о семействе Редькиных. Ни с кем из них Настя никогда не была знакома лично и знала об их судьбе исключительно по рассказам Пчелки. Алексей Иванович, ее приемный отец, в первые же дни войны записался в ополчение и пропал без вести в октябре сорок первого года. После этого Пелагея Петровна, Катюша со своим маленьким сыном и незамужняя Аня эвакуировались куда-то в Среднюю Азию. Но эшелон, в котором они ехали, попал под бомбежку, во время которой Катя и ее малыш погибли. Через два года Пелагея Петровна и Аня вернулись домой. Здесь их и застала похоронка, сообщавшая о том, что Петр Редькин погиб в одном из боев под Курском. С тех пор Пелагея Петровна стала часто болеть и умерла от сердечного приступа в конце сороковых годов. Анна была младшей из трех детей Редькиных и ровесницей Веры Алексеевны. Она закончила институт, получила профессию инженера-строителя и после смерти матери уехала на какую-то далекую северную стройку. Вера Алексеевна всячески пыталась поддерживать с ней контакт, но из этого ничего не получилось – на ее письма Анна не отвечала.

– Да нет, вроде я никого не знаю, – поразмыслив, пожала плечами Настя. – Прабабушкиных родителей, естественно, уже давно нет в живых. Братьев и сестер, кажется, тоже, а про двоюродных и троюродных она сама понятия не имела.

– Ну, нас они тоже не слишком интересуют, поскольку это уж совсем дальние родственники. То, что раньше называли седьмая вода на киселе. Моя же задача заключается в том, чтобы попытаться выявить всех имеющихся наследников по закону и сделать так, чтобы они присутствовали на оглашении завещания.

– Но я же вам сказала... – удивленно начала Настя, однако Семен Григорьевич не дал ей закончить.

– Да-да, я понял. И все же мне необходимо будет все тщательно проверить. Возможных наследников обычно оповещают через СМИ, и мы тоже так сделаем – вдруг кто-то еще объявится. Таков, знаете ли, закон.

«Ну что же, пусть проверяет, – подумала про себя Настя. – Вдруг и правда кого-нибудь отыщет? Даже интересно будет, если у нас с Дашкой обнаружатся новые тети-дяди».

– Итак, у вас есть ко мне еще какие-либо вопросы? – вывел ее из задумчивости Липкин.

– Да, я вот еще что хотела спросить. Если прабабушка упомянула в завещании только меня, тетю Зину и Дашу, то все наследство разделят поровну?

– Не совсем так. – Семен Григорьевич нахмурился. – Законом предусмотрен порядок получения наследниками определенных долей. Но я хочу предупредить вас, что вы должны быть готовы к самым разным вариантам. Например, Вера Алексеевна могла завещать все свое имущество кому-то одному. Кстати, этим человеком вполне может оказаться вовсе даже не родственник. А, к примеру, подруга, хороший знакомый или даже парикмахер или домработница. Всякое бывает.

– А как же тогда все эти наследники по закону? Где же здесь закон?

– Закон в данном случае защищает волю человека, который оставил наследство. А он может оставить его кому угодно. И делят все в пропорции между наследниками лишь в том случае, если завещания нет вовсе или оно составлено неправильно. Вот примерно такая картина.

Настя смотрела на нотариуса в полном недоумении.

– Не понимаю, зачем же в таком случае собирать всех вместе? Вскрыли бы завещание в присутствии свидетелей, а потом оповестили бы о нем кого следует.

– По закону все родственники имеют право знать волю усопшего. Быть, так сказать, в курсе. А вдруг кто-то захочет оспорить завещание? Кстати, многие так и поступают.

Липкин устало потер переносицу, и Настя поняла, что пришла пора закругляться.

– Ну что же: вы, Семен Григорьевич, делайте все, что полагается в таких случаях. А если от меня что-то понадобится, то я всегда готова вам помочь, – сказала она.

– Сейчас мы с вами завершим кое-какие формальности – заявление и все такое прочее. А позже я вас оповещу о времени оглашения завещания и снова приглашу сюда, в мой офис. Как я уже сказал, это произойдет в течение ближайших двух недель, так что, пожалуйста, не планируйте на это время никаких поездок и путешествий, хорошо? И тетушку свою тоже предупредите, чтобы никуда из Москвы не уезжала.

– А Даша?

– А вот она присутствовать не может. Как не могли бы присутствовать вы, будь жива ваша мать. Понимаете? Значит, только вы и ваша тетя. Да, и еще при процедуре вскрытия завещания должны присутствовать два свидетеля. Это обязательное условие.

– Но разве свидетели уже не подписали конверт, который вам передала прабабушка?

– Это совершенно другое, и вовсе не обязательно, чтобы на процедуре присутствовали те же самые люди. В принципе я мог бы и их пригласить, но лучше пусть это будет ваш выбор. Так что вы с тетей договоритесь и приведите с собой двух знакомых, которым вы доверяете. Надеюсь, вам все ясно?

– Чего уж там, – вздохнула Настя, – яснее не бывает.

Спустя десять дней она снова приехала к Семену Григорьевичу Липкину и припарковала машину возле уже знакомого здания. В этот раз вместе с ней на прием к нотариусу явились тетя Зина и белобрысый молодой человек в очках, которого взяли в свидетели по настоянию Даши. Разобиженная тем, что ей нельзя присутствовать на столь волнующем мероприятии, она решила заслать туда своего жениха и потенциального мужа, который должен был стать ее глазами и ушами во время оглашения завещания. Судя по всему, родной матери ушлая Дашка не слишком доверяла. Правда, надо отдать должное очкарику – вел он себя весьма деликатно. Более того, будущий родственник несколько раз подчеркивал, что он здесь вообще на вторых и даже на третьих ролях. По мнению Насти, он был приятным парнем, но слишком уж застенчивым. Полный антипод своей боевой и напористой невесты. Вторым свидетелем попросили быть почтенного ювелира, старинного знакомого Веры Алексеевны и вообще друга семьи, который обещал подъехать в контору Липкина ровно к одиннадцати.

Когда немного возбужденная компания подошла к офису нотариуса, дверь распахнулась, и на пороге их встретил торжественный Семен Григорьевич собственной персоной.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, – просиял он навстречу своим визитерам. – Прошу вас, проходите, присаживайтесь.

Липкин провел всех в свой кабинет и указал на расставленные вокруг стола кожаные кресла. В одном из них уже сидел моложавого вида мужчина с широкими плечами и хмурым лицом. Одет он был в какой-то допотопный костюм, вышедший из моды, по меньшей мере, лет пятнадцать назад. Настя понятия не имела, кто он такой, и это ее насторожило.

Когда все расселись, Семен Григорьевич прошел к своему месту, окинул собравшихся зорким взглядом и произнес:

– Ну что же, теперь самое время познакомиться. Прошу вас, Анастасия Павловна.

– Вот это моя тетя, Зинаида Сергеевна, – быстро заговорила Настя. – Это наш свидетель, Роман Громов. А второй свидетель сейчас...

В этот момент из ее сумочки донеслось задорное пиликанье, и девушка, извинившись, торопливо схватила мобильный. Внимательно выслушав говорившего, она растерянно обернулась к Липкину.

– Семен Григорьевич, наш второй свидетель приехать не может – говорит, внезапно сердце прихватило. Что же нам теперь делать?

Нотариус на секунду задумался, а потом предложил:

– Если вы не возражаете, я мог бы пригласить на эту роль своего помощника. Это молодой юрист, как раз сейчас проходит у меня практику.

– А ему можно доверять? – сварливо поинтересовалась тетя Зина.

– Смею вас заверить, что он вполне компетентен, а тайну обязан хранить по закону. К тому же он сын моих хороших знакомых, так что...

– Мы согласны, правда? – сказала Настя, бросив на тетку свирепый взгляд.

– Ладно, согласны, давайте начнем, наконец, – тяжело отдуваясь, буркнула та. Она страдала от духоты и вся покрылась красными пятнами. Когда Липкин вышел из кабинета, она принялась обмахиваться носовым платком, приговаривая: – Оформила бы дарственную, как я советовала, и дело с концом. А то все тайны какие-то. Ох уж мне эти ее выкрутасы!

– Ты разговаривала с Пчелкой о наследстве? – изумилась Настя.

– Тыщу раз, – бодро отрапортовала Зинаида Сергеевна. – Мы с сестрой, мать твою покойной, изо всех сил пытались ее вразумить. Уж как мы ее убеждали! А она – ни в какую, все мудрила чего-то.

В этот момент в комнату вернулся Липкин в сопровождении симпатичного молодого человека в отличном костюме и дорогом галстуке. Видимо, это и был тот самый юрист-практикант, обещанный им в качестве второго свидетеля.

– Даниил Макаров, – представил его нотариус и сразу же повернулся в сторону хмурого незнакомца, присутствие которого так насторожило Настю. – Теперь позвольте мне познакомить вас с Александром Михайловичем Крутовым. Он откликнулся на наше объявление об открытии дела о наследстве. Александр Михайлович представил документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что он является внуком Анны Алексеевны Редькиной, сестры Веры Алексеевны.

Тетя Зина громко ахнула, а Настя, закусив губу, с подозрением уставилась на неожиданного родственника. В голове ее проносились обрывки разговоров с Пчелкой. Что именно та рассказывала ей про Анну? Прежде всего то, что отношения у них с сестрой не заладились с первых же дней появления Верочки в семье Редькиных. Если старшие дети, Петр и Катюша, сразу отнеслись к своей приемной сестренке довольно дружелюбно, то Аня почему-то приняла ее в штыки. Возможно, не смогла смириться с тем, что родители уделяли новой дочери какое-то особое внимание. А может, ей просто было жалко делиться с чужой девочкой своими игрушками, книжками, платьями. Так или иначе, но Аня никогда не испытывала к Верочке теплых чувств, и даже став взрослой, не изменила к ней своего отношения. Уехав на Север, она навсегда исчезла из жизни Веры Алексеевны. Пчелка уверяла, что спустя несколько лет после ее отъезда сделала попытку связаться с сестрой, но все оказалось напрасно. С тех пор следы Анны окончательно затерялись.

– Я так и думала, что будут неприятные сюрпризы, – неожиданно брякнула тетя Зина.

В ответ на эти слова Крутов насмешливо хмыкнул, неторопливо поднялся на ноги и ответил присутствующим общий полупоклон. Затем внимательно посмотрел на Зинаиду Сергеевну серо-стальными глазами и спокойно произнес:

– Вообще-то мы с вами родственники. Если не ошибаюсь, троюродные брат и сестра, ну или что-то в этом роде. Так что вам придется потерпеть меня немного во имя наших общих предков. Но особенно волноваться не стоит – проситься к вам переночевать я не стану, так

что хлопот не доставлю. К тому же клятвенно обещаю не судиться, если вдруг не упомянут в завещании, и не требовать того, что причитается вам по праву.

Произнеся эту ехидную речь, мужчина улыбнулся, отчего его хмурое лицо преобразилось, неожиданно став симпатичным и каким-то бесшабашным.

– Видала? – громко зашипела на ухо Насте тетя Зина. – Общие предки у нас с ним! Чего ж он тогда болтался все это время невесть где? А как про наследство вычитал – галопом примчался. Говорила же я, всплывет что-нибудь. Вот оно и всплыло!

Неловкость сложившейся ситуации нарушил Семен Григорьевич, он коротко кашлянул и объявил:

– Сейчас настало время некоторых формальностей, после чего я оглашу завещание.

Пока он шелестел бумагами и давал присутствующим подписывать какие-то документы, Настя с интересом рассматривала своего новоиспеченного родственника. Он показался ей вполне неглупым, только излишне мрачным. На его грубоватом лице ясно читались уверенность в себе, властность и напористость. В то же время в глазах его не было и намек на агрессивность, а круглый подбородок наводил на мысль о врожденной мягкости, не позволившей жизненным перипетиям превратить его в оловянного солдата.

Потом Настя перевела взгляд на молодого юриста, согласившегося заменить их второго свидетеля. Тот небрежно откинулся в кресле и рассеянно наблюдал за действиями Липкина. На губах его блуждала нейтральная улыбка, готовая в любую минуту стать либо радушной, либо пренебрежительной, либо подобоострастной – в зависимости от обстоятельств. Настя прекрасно знала этот тип молодых карьеристов. Из хорошей семьи, со связями, вуз с отличием, аспирантура, практика у знакомых, впоследствии – контракт с известной юридической компанией типа «Уткин, Шуткин, Прибауткин и Жмуриков». Громкие процессы, высокие гонорары. Или своя собственная фирма, или нотариат. Но несмотря на это Насте он понравился – Даниил был красив и обаятелен, и игнорировать этот факт у нее не получилось.

От посторонних размышлений девушку оторвал Семен Григорьевич, начавший наконец-то процедуру оглашения завещания. Вскрыв сначала один конверт – большой и плотный, а вслед за ним другой, поменьше, он принялся неторопливо и с выражением читать:

– Завещание. Город Москва, 5 сентября две тысячи десятого года. Я, Завадская Вера Алексеевна, проживающая по адресу... настоящим завещанием делаю следующее распоряжение: все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось, я оставляю...

Конечно, случившееся еще предстояло осмыслить.

Выйдя на улицу, Настя нырнула в ближайшее кафе и, заказав чашку кофе, нервно закурила. Тетке и Дашиному жениху она сказала, что никак не может довести их до дома. И она действительно не могла! Пальцы у нее дрожали, а ноги сделались мягкими, как мармелад. Роман заверил ее, что на метро доберется до работы даже гораздо быстрее, попрощался и сразу же убежал. А пунцовая, как пион, тетя Зина, сообщив, что у нее тут поблизости есть важные дела, еще раз поздравила племянницу и тоже упорхнула.

Внезапно возникший родственник, выслушав текст завещания с непроницаемым лицом профессионального игрока в покер, после окончания процедуры подошел к Насте и сказал:

– Поздравляю вас! Рад был познакомиться. Может быть, еще увидимся.

Он улыбнулся одними уголками губ, наклонил голову в прощальном поклоне и быстрым шагом вышел из офиса.

«Ужасно странный, – подумала про него Настя. – Даже не попытался познакомиться поближе, поговорить. Сам же упомянул об общих предках, а теперь что же? И что значит «может быть, еще увидимся»? Как же мы увидимся, если он даже телефонами обменяться не предложил?»

Но, откровенно говоря, сейчас ей было не до новоявленной родни, не до посторонних эмоций. В ее жизни только что произошло весьма неожиданное событие, поэтому мысли мешались в голове, а чувства бурлили, словно варево в котелке колдуньи.

Отхлебнув глоток крепкого кофе, Настя затаилась сигаретой и принялась размышлять о том, что было написано в завещании Пчелки. А написано там было, что все свое имущество прабабушка оставила ей, Анастасии Батмановой. Вот так вот просто – без всяких подробностей и разъяснений. Одна лишь короткая фраза: «Все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось...»

Такая формулировка вызвала недоумение у большинства присутствовавших, но нотариус быстро и толково объяснил, что к чему. Допустим, на момент составления завещания человек владел одной машиной, а потом взял, да и купил вторую. Но внести в завещание вновь приобретенную собственность уже не смог или не успел. В таком случае эта машина достается не конкретному человеку, а всем наследникам скопом. Из-за этого возникают дополнительные и никому не нужные проблемы. А тут очень четко – «все имущество... в чем бы оно ни заключалось». Коротко и ясно.

Имущество своей прабабушки Настя знала наперечет – четырехкомнатная квартира в высотном доме сталинской постройки и большая дача в бывшем совминовском поселке недалеко от Москвы. Это был семейный загородный дом, в котором маленькая Настя провела много счастливых дней. Кроме того, имелся небольшой автопарк из четырех машин – «ЗИС», «Победа», «Волга ГАЗ-21» и купленный лет десять назад внедорожник, на котором Вера Алексеевна ездила на дачу. Да, еще имелись очень дорогие украшения, которые прабабушка хранила в красивых шкатулках со специальными сложными замками. Пчелка уверяла, что некоторые из них по цене равнялись хорошей машине. И вот теперь все это принадлежит ей, Насте. Господи, какая ответственность!

«И с чего это Пчелке пришла такая блажь оставить все мне? – сокрушенно думала девушка. – Неужели она не понимала, в какую неловкую ситуацию меня загоняет? Как я теперь буду смотреть в глаза тете Зине? И еще Дашка... Она давным-давно примеривалась к Пчелкиным кольцам и кулонам, и вдруг такой облом. Конечно, я со всеми поделюсь, только надо сделать это как-то деликатно, чтобы их не обидеть. Хотя они наверняка и так уже обижены. Ах, как неприятно все получилось!»

В общем, следовало признать, что наследству она была не очень-то рада и, как распорядиться свалившимися на ее голову богатствами, толком не знала.

Пока Настя размышляла, кафе постепенно наполнялось народом. Время было обеденное, сотрудники окрестных компаний, фирм и организаций потянулись на бизнес-ланч. Неожиданно возле ее столика возникла знакомая фигура в элегантном костюме – тот самый молодой юрист, которого Липкин пригласил сегодня на оглашение завещания.

– Позвольте нарушить ваше одиночество, – улыбнувшись, обратился он к Насте. – Просто все столики заняты, а я не могу ждать – у меня очень короткий обед. Надо быстро перекусить и снова бежать в контору.

– Конечно, садитесь, – разрешила Настя. – Вас, кажется, Даниилом зовут?

– Совершенно верно. Можете называть просто Даниилой. Или даже Даней. Главное – не Дусей.

– Почему Дусей? – засмеялась Настя.

– Я вычитал, что это один из вариантов моего библейского имени.

Молодой человек сделал знак официантке, чтобы приняла заказ. Потом снова широко улыбнулся и сказал:

– По вашему лицу трудно догадаться, что вы рады случившемуся.

– Наверное, потому что я вовсе не рада, – парировала Настя.

– Какие же ощущения вы испытываете?

– Очень странные. Наследницей я стала впервые, и это, оказывается, очень тяжелый моральный груз. Кстати, спасибо за участие в церемонии. Наш свидетель взял да и слег неожиданно. Он уже довольно пожилой дядечка.

– За что меня благодарить? – отмахнулся молодой человек. – Я же практикуюсь здесь, а потому быть на подхвате – моя основная задача. Не поверите, но я постоянно кого-то заменяю: уж раз в месяц точно. Липкин говорит, что так я быстрее освою рутинную работу.

– Большие дела, выходит, пока не доверяют? – поддела его Настя. – Кстати, а вы в будущем станете нотариусом или адвокатом? Я слышала, что у юристов очень четкая специализация. Это правда?

– Все так и есть – у юристов шараханье из стороны в сторону не приветствуется. Если уж ты прокурор, то прокурор. Судья вряд ли станет следователем, а следователь – адвокатом. У каждого своя поляна... То есть область права, – усмехнулся он. – А я собираюсь стать нотариусом.

– Надо же, как интересно, – не очень искренне воскликнула Настя. В голове у нее был такой разброд, что даже беседа с симпатичным Даниилом казалась ей сейчас страшно обременительной. Ей очень хотелось, чтобы ее оставили в покое. Но простая вежливость требовала уделить внимание собеседнику, поэтому она поспешила поддержать не слишком интересный для нее разговор.

– А почему вы не захотели стать следователем? Или прокурором?

– Наверное, характер неподходящий, – пожал плечами молодой человек. – Между прочим, я ведь потомственный юрист. Папа юрист-международник, мама – юрисконсульт. Возможно, если бы они были прокурорами или работали в суде, я бы пошел по их стопам. Можно сказать, это они определили мою судьбу. Но что мы все обо мне? Если не секрет, вы чем занимаетесь?

Его молодость и открытое лицо настолько контрастировали с высокопарным тоном, что Настя не удержалась и хмыкнула.

– Я работаю в продюсерской компании. Мы делаем программы для телевидения, документальные фильмы...

– Никогда не сталкивался с продюсерами. А можете рассказать, как сериалы снимаются?

Так они болтали еще минут двадцать, а потом Даниил внезапно посмотрел на часы и спохватился:

– Ух ты, уже опаздываю. Надо бежать. – Он быстро поднялся на ноги, бросил на стол салфетку и улыбнулся Насте скучной улыбкой. – Удачи вам!

Настя растерянно моргнула. Ей не верилось, что новый знакомый уйдет просто так, ничего больше не добавив. Как будто это не он подсел к ней за столик и завязал разговор! Уж если он не захотел узнать ее телефон, то мог бы, на худой конец, сделать какой-нибудь комплимент. Сказал бы: «С вами было чертовски приятно общаться, вы интересная собеседница». Ну или что-нибудь в этом роде... Именно так принято обращаться с молодыми симпатичными девушками, которые только что получили наследство. А этот решил ограничиться ничего не значащим «Удачи вам». Да, мужчины удивительно непредсказуемы...

Даниил уже направился было к выходу, и тут Настя неожиданно для самой себя сказала, глядя ему в спину:

– Если у меня возникнет необходимость проконсультироваться по каким-нибудь вопросам о наследстве, я могу к вам обратиться?

Молодой юрист замер на месте и живо обернулся.

– Вы что, ждете еще одно наследство? – изумился он.

Настя тут же ступешалась и замямлила:

– Не то чтобы, но... Мало ли... Могут ведь появиться вопросы.

– Если вам будет что-то неясно, вы тогда к Семену Григорьевичу обращайтесь. Он очень опытный нотариус, мне до него далеко. Ну, пока, желаю вам всего наилучшего!

И он быстро вышел из кафе. Через окно Настя видела, как молодой человек деловитой походкой удаляется в сторону офиса. Она с досадой хлопнула себя по коленке. Ну ничего себе тип – даже визитной карточки не оставил! Да, характер у парня явно не адвокатский. Напористый, хваткий юрист своего не упустил бы. Не захотеть иметь дела с наследницей – очень непредусмотрительно. А ведь там, в офисе у Липкина, ей показалось, что он парень не промах. Выходит, ошиблась, и этот Даниил самая настоящая размазня. Наверное, это мамочка заставила его пойти в юристы, сам бы он в такую суровую профессию вряд ли сунулся. Вот новый родственничек – как его там – Александр Крутов? – внешне вполне мог бы сойти за адвоката. Только костюмчик ему сменить – и перед вами готовый представитель правопорядка: стальной взгляд, язвительная улыбка, уверенная походка. Прямо Железный Дровосек, а не мужчина. Такой, если начнет размахивать топором – берегись.

Тут Настя поняла, что отвлеклась и думает вовсе не о том, о чем собиралась. Итак, наследство. Звучит красиво, но на самом деле сначала ей предстоит жуткая бюрократическая канитель. Нужно будет таскаться по инстанциям, собирать кучу бумаг – свидетельство о собственности на квартиру, документы на дачу, на машины. И еще, кажется, гараж. Вот такое дикое сочетание – смерть любимой Пчелки и проза жизни...

Неожиданно до Насти дошло, что предстоящая ей бумажная чехарда потребует много времени. Судя по всему, придется отпрашиваться с работы, а это значит, будет скандал. Тазов сам слыл трудоголиком и не понимал, что у людей могут быть какие-то иные дела, кроме работы.

«Ничего, переживет один раз, – решительно отмела всякие сомнения Настя. – Не каждый день его сотрудники наследство получают!»

Теперь нужно было подумать, где искать необходимые ей документы. Скорее всего, они обнаружатся в красивом секретере красного дерева. Там, где Пчелка хранила все свои деловые бумаги – она ведь была очень аккуратной.

Насте опять стало грустно. Она представила, как бродит по огромной квартире, потерявшей свою хозяйку. Теперь уже никогда в этих стенах не прозвучит высокий молодежавый голос, который величаво называл ее Анастасией. Знакомые вещи, которые она помнила с детства, вряд ли теперь покажутся ей милыми и уютными, потому что без Пчелки потеряли свою прежнюю привлекательность. Она больше никогда не будет сидеть напротив прабабушки за большим дубовым столом и, распивая чай из позолоченной чашки, слушать причудливые житейские истории. Конечно, стол и сервиз останутся, но без Пчелки все это уже не то, совсем не то...

К горлу подступил ком, и Настя едва не расплакалась. Но тут очень своевременно зазвонил телефон – тетя Зина!

– Теть Зин, как хорошо, что ты позвонила! Я хотела сразу тебе сказать, но просто все навалилось... – с ходу принялась оправдываться Настя. – Я, честное слово, ничего не знала.

– Настена, прекрати сейчас же! – решительно прервала ее излишняя Зинаида Сергеевна. – Я прекрасно понимаю, что ты тут ни при чем. Это все Пчелкины выкрутасы, но мы не станем ее осуждать. Она небось сейчас сидит там наверху и за нами наблюдает. И думает: «Ну что же, поглядим, кого я воспитала. Смогут они смириться с моей волей или же передерутся, как пауки в банке?»

– Тетя Зина, ты – прелесть, – невольно улыбнулась Настя. – И я тебя очень люблю! Спасибо тебе!

– За что спасибо-то?

– За добрые слова. Ты меня очень подбодрила.

– Да брось ты. Я на самом деле чего звоню-то. Может, помощь тебе какая требуется? Разбираться с бабушкиными вещами, документами, фотографиями? Это ж какая морока!

- Ой, ну конечно, – обрадовалась Настя, – я и сама хотела тебя об этом попросить.
- Вот и ладненько. Ты сейчас приходи в себя, а потом договоримся и вместе к ней поедем.

Слушай, тебе Дашка еще не звонила?

- Нет, а что?

– Я к тому, чтобы ты была готова. Наверняка скоро позвонит и будет бабкины кольца выпрашивать. Так ты ее отшей.

- Но я хотела...

– Слышишь, что я сказала? Ничего ей не обещай. И не давай, – грозно повторила тетя Зина.

Настя лихорадочно размышляла о том, как ей лучше поступить. Продолжать спорить с теткой по телефону казалось бессмысленным. Сама она уже твердо решила, что будет делиться. Только пока не придумала, как это сделать. Наверное, лучше всего поговорить на эту тему в спокойной, так сказать, дружеской обстановке. Вот встретятся они с тетей Зиной в квартире у Пчелки, начнут вместе рассматривать старые фотографии, тогда и найдется подходящий момент.

– Ладно, мы с тобой попозже все обсудим, – решительно сказала Настя. – Я на днях тебе позвоню и договоримся о встрече. Но вообще-то я пока сама плохо представляю, с какого боку ко всему этому подступиться.

- Не дрейфь, я с тобой. Вместе найдем тот бок, который нужен.

Закончив разговор, Настя взяла в руки чашку с уже остывшим кофе, но не успела сделать и пары глотков, как снова раздался звонок. Как и предсказывала тетя Зина, это объявилась Дашка. Хотя, если бы на экранчике не высветилось ее имя, Настя ни за что не догадалась бы, кто ей звонит – голос у кузины был замогильный.

- Мне сообщили, что тебя можно поздравить.

- Поздравляй, не возражаю.

– А я возражаю! – вдруг сорвалась на крик двоюродная сестра. – Почему, интересно, все тебе? Я что, мало к ней ездила, вкусности всякие возила, подарки делала? Мать вообще от нее не вылезала – бабушка то, бабушка сё! В больницы к ней моталась, сиделок искала. А она – трех рублей не оставила! Ты-то чем лучше нас оказалась?

Настя так опешила от ее натиска, что поначалу не нашлась с ответом. Вообще-то виноватой она себя не чувствовала. И еще она твердо знала, что если бы сама оказалась на Дашкином месте, предъявлять претензии уж точно не стала бы. Но Дашка, конечно – не она, Настя.

– Послушай, ты напрасно так распалилась. Давай лучше встретимся и поговорим мирно, – попробовала остудить ее Настя. – Честно тебе скажу, я понятия не имею, почему Пчелка распорядилась именно так.

– Пчелка? Это все ваши дурацкие сюси-пуси. Какая она, на фиг, Пчелка? Змея подкожная, ехидна, злобная выхухоль!

– Даша! – не сдержавшись, выкрикнула Настя, и на нее тут же с удивлением обернулись обедавшие за соседними столиками люди. – Как у тебя язык поворачивается! Она ведь умерла!

– А твой язык как поворачивается делать мне замечания? Захапала себе все, и довольна? Конечно – богатая наследница, сиди себе и в ус не дуй. Но погоди, я из тебя вытрясу и квартиру, и дачу. Думаешь, нет на тебя управы? Найду юристов – они быстренько докажут, что бабка уже сбрендила, когда завещание писала. Все, дорогуша, до встречи в суде!

Настя откинулась на спинку стула и уставилась в пространство ничего не видящим взглядом. Вот это поворот! Такого она, конечно, никак не ожидала. Еще недавно она уверяла Липкина, что в их семействе не может быть склок из-за имущества, и вот нате вам. Если бы этот ушат помоев вылил на нее чужой человек, скажем, сосед по дому, случайный знакомый или хотя бы дальний родственник, – она бы плюнула и забыла. Но Дашка! Они ведь росли вместе.

Конечно, двоюродная сестра всегда была более шкодливой и шептунной, чем Настя, тем не менее они отлично ладили. В детстве девочки почти каждое лето проводили на той самой даче, которую кузина теперь собиралась из нее вытрясать. Вместе ставили домашние спектакли, наряжали елку, обменивались подарками. Потом, правда, их отношения стали прохладнее. Годом к пятнадцати Даша как-то неожиданно сделалась дерзкой, заносчивой и грубоватой, но все списывали это на переходный возраст – мол, подрастет, вся дурь сама выветрится. Но, к сожалению, не выветрилась. И в восемнадцать, и в двадцать, и в двадцать пять она продолжала оставаться такой же агрессивной и бесцеремонной. И вот теперь еще выясняется, что кузина ко всему прочему жадна и завистлива.

«Я всегда понимала, что Дашка – не подарок, – никак не могла успокоиться Настя. – Но чтобы подозревать меня в корысти! Да еще разговаривать со мной в таком тоне! Это уж слишком. И все равно... Все равно мне кажется, что ее сегодняшний демарш был чем-то из ряда вон выходящим».

От возбуждения у нее так тряслись руки, что она долго не могла попасть сигаретой в скачущее пламя зажигалки. Потом ей пришла идея выпить текилы, но она вовремя вспомнила, что за рулем. Тогда Настя попросила официантку принести ей чай с мятой и чабрецом, а сама тем временем попробовала расслабиться и подумать о чем-нибудь позитивном. Однако побыть наедине со своими мыслями у нее сегодня явно не получалось – снова запиликал мобильник. На сей раз звонила Маргарита Платоновна, появление которой в жизни Насти, собственно, и дало старт всей этой заварухе.

Силина, как и в первый раз, начала без вежливых предисловий:

– Анастасия, вы можете приехать ко мне в офис?

– Прямо сейчас? – хмуро осведомилась Настя.

– Чем скорее, тем лучше, – отрезала дама-нотариус. – И непременно сегодня.

– Но к чему такая спешка? Я очень устала, ведь нам сегодня прочитали завещание.

– Я знаю. Потому-то вы и должны ко мне приехать, – жестко повторила Маргарита Платоновна. – В прошлый раз я уже говорила, что действую от имени и по поручению Веры Алексеевны и выполняю ее волю.

– И эта воля заключается в том, чтобы я прямо сейчас помчалась на встречу с вами? – не скрывая сарказма, уточнила Настя.

– Вот именно. Между прочим, это очень важно для вас. Если вы еще сами этого не поняли...

– Где вы находитесь? – обреченно спросила девушка, подумав, что к данному моменту чувствовать себя богатой наследницей ей окончательно разонравилось.

– Если вы еще рядом с офисом Липкина, то вам ехать по пробкам примерно час. Запишите адрес.

– Простите, а мы не могли бы все же встретиться завтра? – сделала еще одну попытку отложить встречу Настя. Вспыхнувшее в первую секунду любопытство уступило место неясному страху. Она нутром чувствовала, что проблемы и неприятности уже начинают разрастаться, как снежный ком. Большие деньги – большие хлопоты.

– Нет, завтра никак нельзя – только сегодня, – непререкаемым тоном отчеканила Силина. – Повторяю, в ваших же интересах встретиться со мной как можно скорее.

«Да уж, если жизнь преподносит тебе подарок, не торопись говорить «спасибо», – уныло думала Настя, усаживаясь за руль. – Еще неизвестно, что ты обнаружишь под праздничной оберткой».

Минут через сорок Настя прибыла по указанному адресу и вошла в подъезд. Ее взору предстал типовой московский офис, вход в который перекрывал средних лет охранник в мятом черном костюме. Его бесцветные глаза просверлили посетительницу таким подозрительным

взглядом, будто она была пойманной на границе диверсантом. После этого он нарочито неторопливо переписал в толстую тетрадь ее паспортные данные и, выпятив свою не слишком могучую грудь, с хамской важностью поинтересовался:

– Куда?

Настя, которую сегодня уже утомили человеческая грубость и неучтивость, постаралась не раздражаться по пустякам. Она старательно улыбнулась и спокойно ответила:

– К нотариусу Силиной.

Однако охраннику было плевать на ее душевные переживания. И на ее улыбку, разумеется, тоже. Он почитал себя важной персоной и был выше того, чтобы улыбаться простым посетительницам, тем более всяким молодым финтифлюшкам. Переведя равнодушный взгляд на чахлую пальму, примостившуюся в пыльном углу, он пробурчал себе под нос: «Второй этаж, направо» – и широко зевнул.

– Мерси, – с усмешкой ответила Настя и быстро стала подниматься вверх по широкой лестнице. Повернув направо, она сразу же уткнулась в большую красивую дверь с медной табличкой, на которой летящим курсивом было выведено: «*Силина М.П., нотариус*».

К великому удивлению Насти, Маргарита Платоновна оказалась вовсе не такой грозной, какой ей представлялось по их телефонным разговорам. Это была сухонькая пожилая дама лет семидесяти со строгим, но в то же время благожелательным выражением лица. Ее седые волосы были красиво пострижены, а из-под рукава темного делового костюма выглядывали дорогие часы.

– Я бы ни за что вас не узнала, – заявила Силина, не дав Насте вымолвить ни слова. – Ведь в последний раз я видела вас еще ребенком. Мы дружили с вашей бабушкой Марией, поэтому я хорошо знала и вашу прабабушку. Меня несколько раз приглашали к вам на дачу. Я приезжала вместе с внуком, и мы все ходили купаться на реку. Прекрасное было время... Однако к делу это не относится, – неожиданно одернула себя Маргарита Платоновна и предложила Насте садиться.

Когда девушка расположилась в кресле для посетителей, Силина устроилась напротив и, закурив тонкую коричневую сигаретку, продолжила:

– Вот вы капризничали и не хотели ко мне приезжать, а я ведь из-за вас отложила отпуск. Должна была улететь еще вчера, но специально осталась в Москве, чтобы выполнить свой долг.

– Я это очень ценю... То есть прабабушка оценила бы, – неловко сказала Настя, чувствуя, что в животе у нее уже отчетливо скребется отвратительный страх. Выходит, Пчелка оставила какое-то дополнительное распоряжение. Зачем? Почему? Ведь было уже завещание – разве этого мало?

– А в чем это заключается? Ну, выполнение долга, я имею в виду.

– Мне следует вручить вам пакет документов, которые оставила для вас Вера Алексеевна. Инструкции от нее я получила совершенно четкие – передать вам его сразу же после оглашения завещания. То есть в тот же самый день. Что я и намерена сделать.

С этими словами Маргарита Платоновна резким движением загасила сигарету, развернулась к находившемуся за ее спиной огромному сейфу и достала из него увесистый бумажный пакет из плотной желтой бумаги. Приняв его из рук Силиной, Настя сразу увидела свое имя, аккуратно выведенное знакомым почерком Пчелки. На пакете стояли внушительные печати нотариуса с датой и подписью.

Насте невольно вспомнилось, как она читала письма и открытки, написанные вот этим самым почерком. Пчелка обожала рассылать всем своим родным и друзьям поздравительные открытки или же просто приветы. Настя сто раз предлагала научить прабабушку пользоваться электронной почтой и посылать СМС, но Пчелка только смеялась: «Не хочу вступать с кем бы то ни было в виртуальные отношения. Какие же вы глупые, что лишили себя радости прислать дорогому человеку несколько строк, написанных собственной рукой».

– Теперь распишитесь вот здесь, и я буду считать, что справилась со своей миссией, – вывел Настю из задумчивости голос Маргариты Платоновны.

– Миссией? – удивилась девушка, продолжая держать пакет перед собой, словно некий артефакт, способный перевернуть жизнь человека, который к нему прикоснулся.

– Ну да, ведь я взяла на себя много обязанностей: лорда-хранителя печати, личного секретаря, ну и почтальона заодно, – усмехнулась Силина. – Разве это не миссия? Я обещала Вере Алексеевне сделать так, как она просила. И рада, что сумела в точности выполнить ее просьбу. Она была очень хорошим человеком, ваша прабабушка, такие редко встречаются.

– Маргарита Платоновна, – не в силах больше сдерживать любопытство спросила Настя, – скажите, а почему вы обратились именно ко мне, а не к тете Зине? Или же к Даше – ведь она такая же правнучка, как и я.

– Не забивайте себе голову ненужными вопросами, моя дорогая, – ушла от ответа Силина.

– Но я так и не поняла, для чего все эти сложности? – не сдавалась девушка. – Сначала один нотариус, потом другой. Закрытое завещание, пакет с документами. Почему нельзя было, например, завещание тоже оставить у вас? Или же наоборот – передать вот этот сверток Липкину?

– А вот отвечать на вопросы Вера Алексеевна меня не уполномочила, – строго сказала Маргарита Платоновна, но потом все же улыбнулась и добавила: – Я уверена, что вскоре вы сами во всем разберетесь. И я от души желаю вам удачи в этом деле.

Настя поняла, что аудиенция окончена, подписала нужную бумагу, попрощалась и уже двинулась было к выходу, но вдруг спохватилась:

– Простите, Маргарита Платоновна, а можно мне к вам обратиться, если мне будет что-то непонятно?

– Вы думаете, что возникнут какие-нибудь проблемы? Ну что ж, конечно, обращайтесь – отчего нет? Только после моего возвращения из отпуска. Если конкретнее, то через три недели. Тогда – пожалуйста. А что, Семен Григорьевич... Он вас чем-то не устроил?

– Да нет, что вы, – смутилась Настя. – Просто получается... Если Пчелка так мудрено все придумала, наверное, для этого у нее были какие-то особые причины. И не просто технические. Как вы считаете?

– Я считаю, что вам стоит прежде всего открыть пакет и ознакомиться с его содержимым. Думаю, тогда вы многое поймете. А теперь вам пора идти. Рада была нашей встрече. Всего доброго!

– До свидания, – ответила Настя, осторожно закрывая за собой тяжелую дверь. Неприкрытое желание Силиной поскорее от нее избавиться вызывало недоумение. С одной стороны – нежные воспоминания и реверансы в сторону Пчелки, с другой – стремление как можно быстрее свернуть разговор. Вот и Даниил сегодня – ведь буквально сбежал от нее из кафе. Неужели все нотариусы такие?

«Сплошная головная боль, – поморщилась Настя. – Наверное, придется нанимать какого-нибудь независимого адвоката, поверенного, или как они там называются. Чтобы занимался моими делами. А то работать будет некогда».

Вспомнив про работу, она быстро достала телефон и набрала номер.

– Наконец-то! – раздался в трубке рев Тазова. – Мне срочно нужны все данные по истории наших взаимоотношений с «Пьеро-филмз продакшн»! Ты уже закончила писать завещание?

– Валера, я не собираюсь умирать. Ты перепутал – это было оглашение завещания. Кстати, поздравь, я решила свою жилищную проблему.

– Рад слышать! Потому что снова прибавлять тебе зарплату, чтобы улучшать твои условия, я не собирался. Стоп! Разве была какая-то жилищная проблема? Мне казалось, у тебя уже есть неплохая квартира.

– Малюсенькая «двушка», – возразила Настя. – И она не «неплохая», а очень даже плохая.

– Для тебя одной вполне достаточно, – сварливо заметил босс. – Я вообще провел всю молодость в коммуналке.

– Современный человек не может мириться с такой гадостью, как коммунальная квартира. И убогая клетушка в панельном доме тоже не намного лучше. Как можно в такой растить детей?

– Ты беременна? – снова взвился Тазов. – Ты ждешь ребенка?

Настя закатила глаза, а потом медленно вдохнула и выдохнула, чтобы сдержать раздражение.

– Нет, я жду наследства. Точнее – уже дождалась. В общем, скоро будем праздновать новоселье.

– И где же мы будем его праздновать, если не секрет?

– Я пришла тебе приглашение с адресом. Но вообще-то квартира в сталинской высотке.

– Круто, – присвистнул Тазов. – А со старой квартирой что будешь делать? Сдавать?

– Там видно будет. Может, в порядке социальной помощи, пуцу туда одинокую многодетную мать, – весело сказала Настя.

– Проскуруину, что ли? – озадаченно уточнил босс, не уловив ее шуточного тона.

– Надежду? Да какая же она многодетная – у нее всего двое детей. И муж у нее имеется.

– Ты знаешь, сколько ее муж зарабатывает? Считай, что мужа нет.

– Так прибавь Надежде зарплату.

– Ну, конечно, разбежалась. Я прибавлю, так она от этого бездельника третьего родит...
Погоди, – внезапно воскликнул Тазов, – ты меня совсем заговорила! У меня дел по горло, а она ко мне со всякой ерундой пристает. Когда тебя ждать?

Настя бросила взгляд на часы. Было уже почти пять и ехать на работу совсем не хотелось. Сегодняшний сумасшедший день оказался ужасно длинным, и Настя вымоталась так, будто на ней воду возили. Сейчас ей хотелось только одного – поскорее поехать домой, принять прохладный душ, а потом забраться с ногами на диван и распечатать, наконец, загадочный пакет Пчелки. Но она прекрасно понимала, что стоит заикнуться о своем желании Тазову, и тот мгновенно взбеленится. Злить босса было себе дороже, поэтому Настя покорно сказала:

– Через полчаса буду.

– Как приедешь – сразу ко мне. Со всеми бумагами по «Пьеро-филмз продакшн». Слушай, а кто тебе подарил такую мощную квартиру?

– Прабабушка.

– Буржуйство! – раздраженно буркнул Тазов. – Вот только так и становятся миллионерами. А тут все сам да сам. Что собственным горбом заработаешь, то и полопаешь. Сколько комнат в квартире?

– Четыре.

– Все своим горбом, – горестно повторил Тазов и разъединился.

Настя распахнула дверцу машины и скользнула на сиденье. Внутри было нестерпимо жарко, а руль был горячим, как раскаленный гриль. Девушка поскорее открыла окна и только повернула ключ в замке зажигания, как снова ожил ее мобильный. Номер ей был незнаком.

– Слушаю! – настороженно ответила Настя, которая по горькому опыту знала, что от телефонных звонков незнакомцев ничего хорошего ждать не приходится. К тому же на сегодняшний день она уже по горло была сыта сюрпризами и неожиданностями.

– Вас беспокоит Прудковский.

– Простите, кто меня беспокоит?

– Прудковский, Михаил Николаевич. Вы должны меня помнить – я подходил к вам во время похорон Веры Алексеевны. Выражал свое соболезнование. У меня к вам важное дело, поэтому... В общем, нам надо срочно встретиться и поговорить.

«Нет, это невозможно! – возмущенно подумала Настя, чувствуя, что еще немного, и она взорвется, «как триста тонн тротила». – Все от меня чего-то требуют, причем обязательно и срочно. И главное, все такие нахрапистые – никто ни разу даже не поинтересовался, хочу я этого или нет. А я вот не хочу! Не желаю больше ни с кем знакомиться и беседы беседовать. Я устала, и пусть все от меня отвяжутся, наконец!»

– Может быть, мы когда-нибудь с вами и встретимся, господин Прудковский, но только не сегодня, – не в силах побороть раздражение, заявила она. – Позвоните мне в другой раз, а сейчас я очень тороплюсь. До свидания!

– Эй-эй, как это «до свидания»? – заверещал в трубку неведомый Михаил Николаевич. – Вы что, с ума сошли? В какой еще другой раз? Мало ли, что вы торопитесь. Мое дело отлагательства не терпит, и мне позарез необходимо с вами поговорить. Хотя бы по телефону. Выслушайте меня.

– Да не могу я вас сейчас слушать, я на работу тороплюсь, – почти закричала Настя. – Позвоните позже, где-нибудь в половине одиннадцатого. Тогда и разберемся с вашим делом.

– Нет, я не могу в половине одиннадцатого, – раскапризничался Прудковский. – Я очень рано ложусь спать.

– Ничего, придется один раз лечь попозже. Сами же говорите, что у вас важное дело. Вот и пожертвуйте ради него полтора часами сна.

– Вы с ума сошли! У меня жесткий распорядок дня, режим. И я не могу ничем жертвовать. Давайте лучше сейчас, – настаивал собеседник.

– Ах, так? – окончательно вышла из себя Настя. – У меня тоже жесткий рабочий график. И вы туда не включены. Либо позвоните мне вечером, либо...

– Хорошо, хорошо! – тут же согласился Прудковский.

Он продолжал еще что-то бормотать, но девушка уже отключилась.

«Нет, нормально, – думала Настя по дороге. – Ни здарсьте, ни пожалуйста. Брось все и беги на свидание с прекрасным незнакомцем! Откуда он вообще взялся? Говорит, что подходил ко мне на кладбище, но там много разного народа крутилось, как справедливо заметила нотариус Силина. И я что-то не припомню, чтобы кто-то представлялся мне господином Прудковским».

Припарковав машину, она покосилась на пакет, который лежал на соседнем сиденье – внушительный и, как казалось Насте, весьма опасный. Брать его с собой в офис ей не хотелось – он наверняка привлечет к себе ненужное внимание. Да к тому же ей все равно некогда будет им заняться – Тазов не упустит возможности отыгаться на ней за пропущенные рабочие часы. Вскрывать конверт прямо здесь, в машине, тоже было глупо. Что она сможет понять, бросив лишь короткий взгляд на его содержимое? Там, вероятно, хранятся какие-то документы, которые требуют тщательного изучения.

«Ладно, подожду до вечера, – с усилием преодолев нетерпение, решила Настя. – Пчелка хотела, чтобы я открыла пакет именно сегодня. Что ж, думаю, до полуночи вполне успею это сделать».

Еще она подумала, что надо бы убрать злосчастный сверток в багажник – от греха подальше – и уже протянула к нему руку, но в этот миг снова зазвонил мобильник.

– Батманова, где тебя черти носят? – завопил ей в ухо голос Тазова, и Настя, выскочив из машины, со всех ног бросилась к себе офис.

Как она и предполагала, босс мигом взял ее в оборот, завалив крупными и мелкими поручениями, и на следующие три часа она напрочь позабыла и о Пчелке, и о ее завещании, и о пакете. Лишь вечером, когда Тазов угомонился и в конце концов отпустил ее домой, Настя

снова вспомнила о невероятных событиях прошедшего дня. Чего только с ней сегодня не случилось! Она стала единоличной наследницей прабабушки, познакомилась с Маргаритой Платоновной, узнала о новом родственнике и разругалась с Дашкой.

Мысль о разговоре с двоюродной сестрой малость подпортила настроение. Настя решила, что непременно сделает шаг к примирению. Конечно, Дашка вполне может закусить удила – теперь от нее можно ждать чего угодно. В таком случае придется действовать через тетю Зину. Хорошо, что та оказалась такой великодушной и не только не закатила истерику, но даже предложила племяннице свою помощь. Настя была ей за это ужасно благодарна.

Потом она снова принялась гадать о том, что же такое важное может находиться в пакете, переданном ей Силиной. Скорее всего, Пчелка сложила в него семейные реликвии – старые письма, телеграммы, фотографии. Хотя совершенно непонятно, зачем отдавать их на хранение нотариусу? Такие вещи обычно держат дома, в комодах и секретерах. С другой стороны, у прабабушки было множество именитых друзей и знакомых, и в ее архивах вполне могли сохраниться письма и автографы всяких знаменитостей.

Насте живо припомнились их с Пчелкой посиделки за чашкой чая, когда неожиданно зашел разговор как раз на эту тему. Началось все с того, что она спросила прабабушку, почему та очень рано вышла замуж.

– Мама говорила, что ты полетела во Дворец бракосочетания чуть ли не в шестнадцать лет. Это правда?

– Твоя мать всегда отличалась редкой способностью преувеличивать, – засмеялась Вера Алексеевна. – Во-первых, мне тогда уже исполнилось восемнадцать. Во-вторых, никакого Дворца бракосочетания не было и в помине, и расписались мы с Леной в обычном московском загсе.

– Вы так сильно любили друг друга, что не могли больше ждать? – затаив дыхание, спросила Настя.

– Для своего возраста ты чересчур романтична, Анастасия, – усмехнулась Вера Алексеевна. – И я, наверное, тебя шокирую, если скажу, что страсти Джульетты я к своему жениху не испытывала. К сожалению, в обычной жизни пылкая любовь встречается гораздо реже, чем нам всем того хотелось бы.

Не сказать, что Настя была шокирована, но разочарована – это точно. Отчего-то ей всегда думалось, что Пчелка со своим мужем были счастливой семейной парой – не зря же они прожили вместе больше полувека. А какое же счастье без большой любви?

– Зачем тогда было торопиться? – спросила она. – Если бы ты немного подождала, то наверняка в кого-нибудь влюбилась бы. Не в восемнадцать, так в двадцать. Да и в двадцать пять было бы не поздно, даже по тогдашним меркам.

Вера Алексеевна немного помолчала, о чем-то размышляя. Казалось, она прикидывает, стоит ли отвечать на вопрос правнучки.

– До сих пор я никому об этом не рассказывала, – наконец решилась она на откровенность. – Не имелось ни повода, ни желания, да и человека, которому я хотела бы исповедаться, не было – ты первая. Так вот, Анастасия, главной причиной такого скоропалительного замужества была не страстная любовь, как все тогда решили, а желание поскорее сменить фамилию.

– Сменить фамилию? – вытаращила глаза Настя. – Ты до такой степени стеснялась быть Редькиной?

– Да нет, дело не в стеснении, – улыбнулась ее реакции Пчелка, – хотя в какой-то мере неблагозвучность сочетания «Вера Редькина» меня, несомненно, смущала. Но главное все же было не в этом. Даже после того как меня удочерили, я еще долго верила, что мои настоящие мама и папа скоро вернуться. И думала, что тогда они очень рассердятся на меня, потому что я больше не ношу их фамилию. Понимаешь, у меня было такое чувство, будто я их предала, перестав быть Чернышевой. Сначала я просто страдала, но, став постарше, поняла, как можно

исправить дело – надо лишь выйти замуж за человека по фамилии Чернышев. Вот такой простой выход! В теории все выглядело здорово, но на практике оказалось ужасно. Мужчины, носящую дорогую мне фамилию, по дьявольскому стечению обстоятельств оказывались либо дураками, либо деспотами, либо ничтожествами. В общем – не повезло. Однако к тому времени я стала мудрее и поняла, что в свое время у меня отняли не столько фамилию, сколько мою родословную. Поэтому, даже если в итоге мне удастся снова стать Чернышевой, это будет то же самое лишь по звучанию, но не по сути. И тогда я приняла компромиссное решение – пусть будет не та и не эта, а третья, нейтральная. Только поскорее! Вот так, моя дорогая, я и стала Завадской. В ту пору за мной ухаживало несколько блистательных кавалеров, и все они были от меня без ума. Но я выбрала Леню – его фамилия мне нравилась больше всех. Хоть и не дворянская.

– Ты хочешь сказать, что вышла за него исключительно из-за фамилии? – никак не могла поверить ее словам Настя.

– А что такого? – выгнула бровь Вера Алексеевна. – Возможно, это своеобразный комплекс, зато прямо по Сигизмунду Шломо.

– С ума сойти! – воскликнула Настя, до которой постепенно дошел весь драматизм Пчелкиных откровений. – Кстати, а Сигизмунд – это кто? Какой-нибудь психоаналитик?

– Какой-нибудь?! – всплеснула руками Вера Алексеевна. – Анастасия, у тебя же высшее гуманитарное образование! Как, по-твоему, зовут легендарного Фрейда?

– Зигмунд, – уверенно отрапортовала Настя.

– Но его настоящее имя – Сигизмунд Шломо. Между прочим, мы в свое время очень им увлекались – собирались по вечерам и читали его труды. Я тогда дружила с женой Луначарского... И еще там была одна актриса МХАТа – ужасно бездарная, но зато, насколько мне известно, любовница Ягбды.

– Бабуль, ты – просто ходячая история, – засмеялась Настя. – Луначарский, Ягода... Но ты еще упоминала Маяковского, Есенина, Прокофьева.

– Не забудь также Пикассо, Дали и Пастернака, – подхватила Вера Алексеевна. – Можно было бы долго перечислять, а кое-кого ты и вовсе не знаешь.

– Фантастика! Аж дух захватывает, когда представляешь, что ты встречалась с такими знаменитостями! Всех их знала, разговаривала с ними, дружила.

– Дружила! – ухмыльнулась Пчелка. – Ходила с ними в рестораны, выпивала, флиртывала, выслушивала комплименты и признания, принимала подарки. Дорогая, во все времена мужчины поклонялись красивым женщинам. А все эти знаменитости для меня были просто мужчинами. Но я всегда помнила, что ввел меня в их блистательный мир Леня, мой муж. Он ведь был сыном Мирона Завадского, соратника и любимца Сталина, но в жены взял меня – Веру Редькину, девушку из обычной рабочей семьи. О моем дворянском происхождении он узнал значительно позже...

«Вот такая у меня была замечательная прабабушка, – подумала Настя. – К ней даже издатели приезжали – умоляли написать воспоминания. А она только отмахивалась, ей все время было некогда».

Тут она вспомнила, что Пчелка много лет вела дневник. Настя своими глазами видела целую стопку толстых тетрадей, хранившихся в огромной картонной коробке. А что, если как раз эти дневники она и передала на хранение Силиной? Возможно, ей хотелось, чтобы они попали в руки именно ей, Насте. А то наткнулась бы на них какая-нибудь безответственная Дашка, и все добро разлетелось бы по миру.

Эти воспоминания и размышления помогли Насте скоротать нудное стояние в пробках. Еще ее подбадривала мысль о том, что скоро она доберется до любимого дивана и наконец-то узнает тайну желтого пакета. Сгорая от нетерпения, она сделала последний поворот и застонала

от разочарования – возле дома не обнаружилось ни одного свободного места для парковки. Насте пришлось немного покрутиться, а потом бросить машину в соседнем дворе.

Когда с пакетом под мышкой девушка приблизилась к своему подъезду, то увидела на лавочке пожилого шуплого мужчину. Хотя солнце давно уже село, было еще достаточно светло, чтобы она смогла разглядеть на его коленях маленький дорожный чемоданчик. Скользя по незнакомцу равнодушным взглядом, Настя стала набирать код дверного замка. Тут мужичок неожиданно сорвался с места и уже в следующую секунду очутился рядом с ней.

– Вы – Анастасия Батманова! – заявил он таким тоном, будто выносил обвинительный приговор.

Девушка испуганно отпрянула, но странный старичок не был похож ни на сексуального маньяка, ни на серийного убийцу. К тому же и голос она узнала – именно этот человек звонил ей по телефону и представлялся, кажется, Прудковским. Приглядевшись получше, Настя поняла, что лицо его тоже ей смутно знакомо – вероятно, он действительно был на похоронах Пчелки.

– Я – Прудковский! – прокричал между тем мужчина, словно опасаясь, что Настя сейчас растворится в ночной мгле и не успеет узнать, кто ее тут дожидается.

– Что же вы так орете? – возмутилась она, переведя дыхание. – Хотите, чтобы соседи вызвали полицию?

– Ни боже мой! – Старичок попытался молитвенно сложить руки, но ему помешал чемодан. – Не нужно никакой полиции. Я сейчас все вам объясню.

– Самое время, – недовольно сказала Настя, у которой от всех сегодняшних событий и так уже голова шла кругом. К тому же она страшно устала, жутко хотела есть и мечтала как можно скорее попасть домой. Неожиданное препятствие в виде назойливого Прудковского рассердило ее и одновременно испортило ей настроение.

Однако тот не обратил никакого внимания на ее мрачный вид. Вытянув из кармана светлых брюк визитку, он с поклоном протянул ее Насте и официальным тоном представился:

– Прудковский Михаил Николаевич, доктор наук, профессор. Преподаю, читаю лекции в американских университетах.

Последнее было явно рассчитано на то, чтобы произвести на Настю неизгладимое впечатление, а заодно завоевать ее доверие. Видимо, Прудковский все еще опасался, что она не захочет с ним разговаривать.

– Так что вам от меня нужно? – не слишком любезно поинтересовалась девушка, которой и в самом деле совершенно не хотелось общаться с доктором наук. – Между прочим, откуда вы узнали мой адрес?

– Отыскал я вас довольно просто. В эпоху компьютеров узнать координаты человека, равно как и телефон – пара пустяков. Если этот человек, конечно, не скрывается от правосудия и проживает по фактическому адресу. Что же касается моей персоны, то, во-первых, вы держите в руках визитку. Точно такую же я, кстати, уже давал вам при встрече на похоронах. И еще вашим родственникам, кажется, тете и сестре. Во-вторых, если вы сомневаетесь в правдивости приведенных мной фактов, то поищите в Сети – легко найдете мои статьи и научные работы.

– Ваш послушной список внушает уважение, я верю вашей визитке, и я, кажется, действительно видела вас на кладбище, – прервала его монолог Настя. – Но у меня был трудный день, поэтому не тяните kota за хвост и скажите в конце концов, что вам угодно?

– Вы же сами задаете мне вопросы, а когда я пытаюсь отвечать – перебиваете, – сварливо заметил Прудковский. – Я вас надолго не задержу. Поскольку намерен сообщить только самое главное. Ради этого я даже нарушил свой распорядок, а его я не нарушал вот уже тридцать пять лет!

– Грандиозно. Надеюсь, для этого у вас была серьезная причина.

– А вы думаете! Причина серьезна настолько, что я вынужден просить вас о полной конфиденциальности. Не пригласите меня к себе домой?

– Нет, – очень решительно ответила Настя. Она не была доверчивой дурочкой, и визитка профессора ни в коем случае не могла стать для него пропуском в ее квартиру. Вокруг полно всяких проходимцев, которым сострять любую фальшивку – раз плюнуть. – Домой я вас точно приглашать не стану, так что валяйте здесь.

– Но какая же здесь может быть конфиденциальность? Сами сказали – соседи могут услышать, – возмутился Пудковский.

– Давайте отойдем подальше от окон. Хотя бы вон к той спортивной площадке. Только поторапливайтесь – у меня, честное слово, дела.

Для убедительности Настя потрясла перед хрящеватым носом Прудковского увесистым пакетом с печатями.

– Я не задержу, не волнуйтесь, – пообещал Михаил Николаевич, семеня за девушкой к проржавевшим дворовым тренажерам. Как только они остановились возле сломанного турника, он сразу же приступил к повествованию. – Значит, дело вот в чем. В детстве я начал собирать марки. Буквально заболел этим. Сначала собирал все подряд, потом стал специализироваться на марках бывших колоний, затем...

– Если вы собрались рассказывать мне про свое детство, то начинайте лучше с детского сада, – невежливо перебила Настя.

– Простите, но боюсь, без некоторых частных вы не поймете главного. Впрочем, постараюсь быть максимально кратким. И начну, пожалуй, с самой сути. У меня есть подозрения... Нет, даже не подозрения. У меня есть все основания утверждать, что у вашей родственницы... Она ведь вам прабабушкой приходилась?

– Смотря какую родственницу вы имеете в виду, – сухо сказала Настя, которой этот бессмысленный разговор уже порядком надоел. К тому же Прудковский раздражал ее своим занудством. Для профессора, читающего лекции за границей, он был слишком многословен и суетлив.

– Как это – какую? Веру Алексеевну Завадскую, разумеется! – попытался всплеснуть руками Михаил Николаевич, но ему снова помешал чемоданчик. – Почему вы все время меня прерываете? – негодуя спросил он. – Я пытаюсь объяснить вам, что...

Однако ничего объяснить он так и не успел, потому что в этот момент возле них нарисовались два персонажа с ярко выраженной бандитской внешностью и без лишних слов приступили к делу. У одного из них в руке был длинный нож. Свободной лапой он сдавил Настино горло. Второй в это время попытался вырвать из рук Прудковского чемодан. К его великому удивлению, сделать это оказалось не так просто, как он предполагал – профессор вцепился в свое сокровище мертвой хваткой. Со злости громила наподдал упрямому старикашке ногой, обутой в ботинок сорок восьмого размера. От этого удара Прудковский с печальным стоном взмыл в воздух, словно дикий гусь, покидающий осенью родные края, но пальцы так и не разжал. Бандит, который тоже крепко держался за ручку чемодана, потерял равновесие и шмякнулся на землю. Тем временем тело доктора наук вместе с чемоданчиком сначала взмыло вверх, а потом упруго приземлилось рядом с распластавшимся на земле противником. Пока огромная туша барахталась в пыли, проворный Михаил Николаевич вскочил на четвереньки, быстро огляделся по сторонам и с ловкостью мартышки подхватил с земли железную трубу, отвалившуюся от ржавого турника. Недолго думая, он принялся колошматить бандита по спине своим грозным оружием. Тот заорал не своим голосом, но когда профессор нечаянно саданул ему по макушке, крик немедленно стих. В это время очухался второй детина, до сих пор державший за горло Настю. С силой оттолкнув девушку, он пригнул голову и, словно разъяренный бизон, бросился на Прудковского. Но тут случилось невероятное.

Конечно, Настя слышала о том, как у людей в экстремальных ситуациях порой открывались небывалые способности, появлялась чудовищная сила и они совершали то, что потом не могли повторить в обычных условиях. Помнится, она даже читала историю про одного юнгу, который во время пожара на корабле сбросил за борт несколько глубоководных бомб, и только благодаря его героизму судно не взлетело на воздух. На следующий день капитан попросил парнишку показать, как ему удалось это сделать, но тот даже не сумел сдвинуть тяжеленный снаряд с места.

И вот теперь нечто похожее происходило у Насти на глазах. Она понятия не имела, что находится в чемоданчике Прудковского, однако битва за него явно пробудила в профессоре сверхчеловеческие возможности. Когда второй бандит подбежал поближе, старик выпустил из рук свою поклажу, схватил нападавшего за шкуру и швырнул в сторону находившегося поблизости гаража. Раздался металлический лязг, потом короткий всхлип, и после этого все стихло.

Настя первой пришла в себя и, подобрав с земли пакет, который выронила во время нападения, повернулась к Прудковскому.

– Бежим, – коротко скомандовала она и помчалась к дому. За ней, волоча драгоценный чемоданчик, вприпрыжку бежал профессор.

Влетев в подъезд и захлопнув дверь, они уставились друг на друга, тяжело дыша.

– Ну, вы даете, – сказала Настя, во все глаза глядя на тщедушного доктора наук. – Вы прямо Бэтмен какой-то, честное слово.

– Какой ужас! – с ошарашенным видом воскликнул тот. – Я безумно испугался!

– Было заметно, – хмыкнула девушка. – А что у вас там? – кивнула она на чемоданчик, который Прудковский любовно прижимал к груди.

– Марки, – впервые за долгое время четко и ясно ответил профессор. – Я приехал к вам после заседания клуба филателистов, где получил несколько марок, за которыми охотился почти два десятка лет. Теперь они мои, а эти мерзавцы чуть не лишили меня моего сокровища. Знаете что? Давайте все же поднимемся к вам в квартиру, а то здесь не слишком удобно разговаривать.

– Нет, – решительно тряхнула головой Настя. – На сегодня с меня довольно приключений. Если вам хочется, можете прямо сейчас кратко изложить суть дела. Хотя я уже поняла, что краткость – не ваша фишка. Поэтому предлагаю встретиться завтра во время обеденного перерыва за чашкой кофе.

– Мне желательно завершить переговоры сегодня, – настырно гнул свое Прудковский. – Только дело, понимаете ли, больно деликатное. Скажите, вы ведь уже получили наследство своей прабабки?

– Прабабушки, – сердито поправила его Настя. – А вам что за дело? И вообще, откуда вы об этом узнали? В отличие от адреса и телефона такую информацию можно получить только незаконным путем.

– Так я адрес с телефоном тоже добыл незаконным путем, – отмахнулся Прудковский. – Дело не в этом. Я ведь не аферист какой-нибудь, и данная информация была нужна мне исключительно для того, чтобы...

Неожиданно они услышали, как во дворе душераздирающе завывала сирена «Скорой помощи». Вслед за этим стали щелкать замки и открываться двери квартир, подъезд наполнился людскими голосами – между собой переговаривались соседи по лестничной клетке.

– Ах, как неудачно все сложилось! Теперь мы точно не сможем поговорить, – сдавленным голосом воскликнул Михаил Николаевич. – Кстати, как бы нас в свидетели не привлекли. Судя по всему, там, во дворе, не только «Скорая», но еще и полиция.

– В свидетели? – ехидно переспросила Настя. – Молите бога, чтобы нас с вами не обвинили в хулиганстве или даже в бандитизме! Ведь по всему получается, что это не мы постра-

давшие, а совсем даже наоборот – они. Знаете, давайте все же отложим наш разговор до завтра. А еще лучше на выходные.

– Вы ничего не понимаете! – с отчаянием в голосе воскликнул профессор. – Я срочно должен закончить работу над книгой, поэтому сижу на даче безвылазно и не могу каждый день приезжать в Москву. Послушайте, а может быть, вы сами ко мне приедете? Это недалеко, всего полчаса езды от МКАД.

– Да что вы в самом деле? С какой стати я должна куда-то ехать? Это же вам от меня что-то надо, вот вы и приезжайте.

– Вам тоже надо, поверьте. Когда я смогу спокойно объяснить, в чем дело, мое предложение вас очень заинтересует. И если вы мне поможете, то станете обеспеченным человеком.

– Я и так обеспеченный человек. И вообще, мне все это не нравится. Вы все юлите, ничего конкретного не говорите – одни намеки.

– Да я не успеваю! То вы куда-то торопитесь, то перебиваете, то ваши бандиты на меня нападают.

– Почему это они – мои? – удивленно вскинула брови Настя.

– Так они ж на вас напали, – развел руками Прудковский.

– А мне показалось – на вас. Пришли отбирать ваше сокровище – марки.

– При чем тут марки? Зарезать-то хотели не меня. Я им просто мешал.

– Чего же вы тогда влезли? Бежали бы себе на все четыре стороны.

– Так они же хотели отнять мой чемодан, а там были... Впрочем, я это вам уже объяснил. Так вы приедете? Речь может идти о миллионах...

– Вы спятили? Какие миллионы? Сейчас сюда придет полиция и будет всех опрашивать. Вы хотите, чтобы вас допросили? Нет? Тогда уходите немедленно. Всего хорошего!

– Вот, возьмите! – Прудковский извлек из нагрудного кармана рубашки клочок бумаги, исписанный какими-то каракулями, и протянул Насте. – Это адрес моей дачи. Найти очень легко. Только приезжайте не позже семи вечера, потому что я...

– Знаю, рано ложитесь спать. Но я не приеду, и не надейтесь.

– Даже если я скажу, что дело касается вашего наследства?

– При чем тут мое наследство? – мгновенно насторожилась Настя.

– Вы кое-чего не знаете, – загадочно улыбнулся Прудковский. – И, кроме меня, вам этого никто не расскажет.

– С этого надо было начинать, – недовольно покачала головой девушка. – Хорошо, я приеду.

– Только не тяните, ладно? А то мало ли...

– Полагаете, что-то может случиться?

– Кто знает, всякое возможно. Буду очень вас ждать.

И Прудковский, воровато оглядываясь, выскользнул из подъезда.

Когда Настя отпирала дверь квартиры, по лестнице, тяжело дыша и обливаясь потом, взлетел сосед Костя, возвращавшийся со своей обязательной вечерней пробежки.

– Привет, Костя! Случайно не знаешь, что у нас во дворе за шум? – сделал удивленное лицо, спросила девушка.

– Знаю, со мной только что полицейские разговаривали, – с важным видом ответил сосед и хрустнул суставами. По всему было видно, что он страшно гордится статусом обладателя горячих новостей и ему не терпится с кем-нибудь поделиться. – Там на спортивной площадке драка была, и двум парням так навалили – мама, не горюй. Одному башку пробили, а другому – все ребра переломали. В общем, из больницы не скоро выйдут. А мужики, между прочим, здоровенные битюги с пудовыми бицепсами. Жалко, я не видел того Кинг-Конга, который их так отделал.

Настя представила себе плюгавого Прудковского и тихонько хмыкнула.

Выйдя из душа, Настя налила в высокий стакан минеральной воды и удобно расположилась на широком старом диване. Диван, который еще сто лет назад купили ее родители, был выцветшим и потертым, но зато очень уютным. Настя любила забраться на него с ногами, как всегда делала в детстве, поставить на краешек коробку конфет и наслаждаться чтением какого-нибудь захватывающего детективного романа.

Однако сегодня ей было не до конфет, а роман заменили бумаги, которые она вытащила из желтого пакета. Разрезав его тонким ножичком так, чтобы не повредить надписи и печати, Настя осторожно стала выкладывать на диван пачки густо исписанных листов. Ей сразу же пришло в голову, что это, должно быть, мемуары Пчелки – та не раз говорила, что ее воспоминаний хватит на целое собрание сочинений. Правда, Настя ничего не знала о творческих намерениях прабабушки, но это не значит, что Вера Алексеевна не наняла кого-нибудь, кто мог бы записывать, а потом редактировать ее рассказы.

«Может быть, здесь даже есть поручение издать книгу? – подумала девушка. – Я обязательно все сделаю! И это наверняка будет потрясающая история о прошлом. С упоминанием кучи известных имен, описанием забавных фактов и пикантными намеками. Нет, это действительно будет здорово!»

Однако, едва начав перебирать листы, Настя сразу же поняла – перед ней не рукопись, не мемуары и не домашний архив. Замелькали бумаги, скрепленные печатями и подписями, прошитые красивыми шнурами. Некоторые были на английском и, как она поняла, испанском языках, но с параллельным переводом на русский. Стараясь не торопиться, чтобы ничего не пропустить, Настя аккуратными стопками разложила документы на диване и стала методично их просматривать. Чем дальше она читала, тем больше изумлялась, а вместе с удивлением росло и нервное напряжение. Через полчаса Настя поняла, что не может больше справиться с волнением, и без сил откинулась на спинку дивана. Сердце с бешеной скоростью колотилось в груди, а руки ходили ходуном так, что она не могла разобрать ни строчки. Настя хотела подняться, чтобы дотянуться до стоявшего на столике стакана с минералкой, и чуть не упала – голова закружилась, ей казалось, будто комната куда-то уплывает, а сама она сделалась невесомой и может теперь порхать по воздуху, словно бабочка. Но чувствовать себя бабочкой было не особенно приятно, и, издав громкий протяжный стон, Настя снова упала на диван.

Закрыв глаза, она принялась делать размеренные вдохи и выдохи, чтобы поскорее успокоиться и взять себя в руки. Откровенно говоря, где-то в глубине души она ожидала, что Пчелка преподнесет ей какой-нибудь сюрприз. Несмотря на возраст, та до конца своих дней обожала всякие шутки, розыгрыши и даже шалости. Но такое!

Настя осторожно сползла с дивана и подошла к круглому зеркалу, которое висело у нее над комодом.

– Анастасия, сегодняшний день ты не забудешь никогда в жизни, – назидательно сообщила она собственному отражению. – Никогда, никогда! Он необычно начался и фантастически заканчивается. Сказать по правде, такое случается лишь в сказках и индийских мелодрамах.

Отражение глупо захихикало в ответ.

– Ты выглядишь так, будто только что в одиночку выдула бутылку шампанского, – с улыбкой продолжала Настя. – Да и грех не выдуть, раз пошла такая пьянка...

Неожиданно ей подумалось, что она вообще может теперь купаться в шампанском, и это ее отчего-то дико развеселило. Она показала своему отражению язык, взвизгнула и принялась отплясывать перед зеркалом, выделявая какие-то замысловатые па и подпевая чуть осипшим от возбуждения голосом.

Потом так же внезапно она успокоилась, отдышалась и снова уставилась в зеркало.

– А может быть, ты просто спишь, дурочка? – спросила она и изо всех сил ущипнула себя за руку. Ойкнув от боли, она окончательно поняла – все, что с ней приключилось, никакой не сон, а самая настоящая явь.

Проснувшись утром, Настя сразу же увидела письмо Пчелки, которое лежало на тумбочке у кровати. Вчера вечером она обнаружила его среди документов и прочитала три раза, а потом еще раз перед сном. Теперь она помнила его содержание наизусть.

«Анастасия, милая моя девочка! Как пишут в романах – если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Грустно, но факт, и тут уж ничего не поделаешь. Однако ты не должна обо мне печалиться. Я прожила долгую и невероятно интересную жизнь, похожую, как ты любила говорить, на исторический роман. Так что жаловаться мне было бы просто грешно. Но я никогда и не жаловалась.

Теперь перейду к главному. Наверняка ты уже поняла, что неожиданно стала богатой. Могу себе представить, какие чувства ты испытываешь – изумление, смятение и, очень надеюсь, радость. Конечно, внезапное богатство может сделать жизнь человека прекрасной, но так же легко может ее и разрушить. Для одного человека деньги становятся великим благом, для другого – чудовищным злом. Все зависит от самого человека. Сможет ли он, став состоятельным, сохранить свое достоинство и не превратиться в гордеца, сноба и позера? Я долго думала, прежде чем решиться передать тебе все свое состояние, и пришла к убеждению, что ты единственно тот человек, на которого я могу положиться. Ты умна, добра и главное – глубоко порядочна. Уверена, что наследством ты распорядишься с пользой для себя и окружающих тебя достойных людей.

Вероятно, у тебя может возникнуть вопрос: откуда взялось все мое богатство? Не стану утомлять тебя подробностями, скажу лишь, что абсолютно все материальные ценности, которые тебе достались и, возможно, еще достанутся, честного происхождения. В большинстве своем это подарки и подношения моих друзей и сердечных приятелей, о чем свидетельствуют документы, которые ты и получила от Маргариты Платоновны. Она, а также несколько других весьма компетентных юристов все тщательно перепроверили и постарались сделать так, чтобы никто никогда не смог их оспорить. Равно как и мое завещание в твою пользу.

Что касается моей недвижимости, разбросанной практически по всему свету, то тут тебе не стоит особо волноваться. Я оставляю тебе координаты человека, который долгие годы был моим управляющим и отлично справлялся со своим делом. Он опытный и надежный человек, и ты можешь на него положиться. Как только ты с ним свяжешься, он представит тебе полный отчет о нынешнем состоянии дел – мое распоряжение на этот счет у него имеется.

Наверняка ты хотела бы задать мне еще один вопрос: почему я ничего не оставила Зинаиде и Даше? Тебе придется поверить мне на слово, что для этого у меня были серьезные основания. Тем не менее рассказывать о них я ничего не стану, иначе тебе трудно будет сохранить к ним непредвзятое отношение. Они теперь твои единственные близкие родственники, и у меня нет цели поссорить вас между собой. Если ты захочешь подарить им что-то из полученного наследства, это будет правильное решение – я бы возражать не стала. Надеюсь, они все воспримут хорошо и ответят тебе благодарностью. Если же нет – бог им судья.

Теперь у меня к тебе будет одна просьба. Многие годы я пыталась выяснить судьбу своей сестры Анны. Ты должна помнить – я как-то о ней рассказывала. Аня уехала из Москвы после смерти нашей мамы и с тех пор мы ни разу не виделись. Я пыталась ее искать, но тщетно. Не так давно я подумала, что в нынешних условиях отыскать человека гораздо проще, чем это было пятьдесят лет назад, и возобновила поиски. То есть поиски были проведены по моему поручению, и они дали результат. Я узнала, что после замужества Анна взяла фамилию мужа и стала Крутовой. У нее была дочь Александра и внук. Аня умерла в восьмидесятом году, ее дочь тоже скончалась, а внук, разумеется, к настоящему моменту стал уже взрослым мужчиной.

Зовут его Александр Михайлович Крутов. Мне удалось получить его адрес, и я написала ему письмо, однако оно вернулось нераспечатанным. Не стану гадать, в чем тут причина, но я, признаться, была огорчена. Наверное, мне так и не доведется познакомиться с Аниным внуком, но мне бы очень хотелось, чтобы с ним познакомилась ты.

В этом, собственно, и заключается моя просьба. Прошу тебя, разыщи, пожалуйста, этого человека – его адрес я прилагаю. Видишь ли, он остался единственным из клана Редькиных, а они ведь стали в свое время моей настоящей семьей. Я всегда испытывала к ним глубокую благодарность за то, что они меня воспитали. Именно поэтому я не раз пыталась разыскать Анну. У меня имелись деньги, была возможность и для нее сделать что-то доброе, а если надо – помочь. Мне хотелось хоть как-то отплатить семейству Редькиных за их сердечную доброту. К сожалению, у меня это не получилось, но, возможно, получится у тебя. Постарайся отыскать Аниного внука, и если тебе это удастся, расскажи ему обо мне. Почему-то я уверена, что он окажется достойным человеком. Если так оно и есть, тогда я хотела бы передать ему в дар мои автомобили. На самом деле они уже твои, но эти музейные экспонаты вряд ли тебе пригодятся, зато мужчины такие вещи ценят. А если все же выяснится, что они ему без надобности, он всегда сможет их продать, ведь стоят они немало.

А теперь последняя моя просьба. Когда у тебя выдастся свободное время, перечитай свою любимую детскую книжку про пчелку Веру. Ты найдешь ее в верхнем ящике моей тумбочки, у кровати. Я до сих пор помню, как мы читали эту сказку вместе. Ты сидела рядом со мной на диване и горько плакала, когда пчелка упала с цветка и сломала крылышко. А я вытирала тебе слезы, успокаивала и говорила, что надо слушать дальше, ведь самое интересное – впереди. Потом, когда я прочитала, как муравьи нашли Веру, принесли в муравейник и вылечили, ты смеялась и громко хлопала в ладоши. Но больше всего ты любила майского жука, который грозно гудел и сначала пугал Веру, но затем именно он помог ей вернуться на цветочный луг, где она снова встретила своих друзей. Я знаю, что для тебя было важно, чтобы все непременно закончилось благополучно. Ты всегда была очень романтичной, Анастасия!

Надеюсь, ты простишь мне столь подробный и сентиментальный пересказ сказки, моя девочка. Это вовсе не старческая слезливость, а всего лишь приятные воспоминания о прошлом. Они мне очень дороги, и я хотела бы, чтобы они так же дороги были тебе.

Напоследок хочу дать тебе совет – всегда, при любых обстоятельствах оставайся прежде всего человеком. Благоразумным и сердечным. Пусть богатство не затуманит твою прелестную головку и не сподвигнет на безрассудства, но поможет тебе решать проблемы и преодолевать препятствия, которых в жизни – увы! – предостаточно.

Ну что же, вот теперь пришла пора попрощаться. Будь счастлива, живи долго и радостно. Я сделала для тебя все, что смогла. И теперь – все в твоих руках. Нежно целую, люблю и молюсь за тебя. Прощай!

Не забывай свою Пчелку.

Прабабушка, Вера Алексеевна Завадская».

Итак, наследство! В пакете, который вчера вручила Силина, помимо письма от Пчелки оказались документы на недвижимость в Москве, Питере, Лондоне, Нью-Йорке, Париже, на испанских и итальянских курортах. А еще информация о наличии двух номерных счетов и абонированной ячейки в банках Швейцарии. Да, было также несколько депозитов в российских банках на весьма внушительную сумму.

В общем, теперь Настя была богатой. Очень богатой! Ну, может, до золотой сотни журнала «Форбс» и не дотягивала, но, как небрежно заметил в своем интервью один известный миллионер, на достойную жизнь вполне должно было хватить. Но вот странное дело – никакого восторга по этому поводу Настя не испытывала. По крайней мере, пока.

«Возможно, это оттого, что все мое имущество на сегодняшний день – одни сплошные бумаги и разговоры, – подумала девушка, прислушиваясь к своим чувствам. – Чтобы постичь

свой новый статус, нужно испытать новые ощущения. Ну, например, переселиться в роскошную квартиру, прокатиться на новенькой машине, отправиться на фешенебельный курорт... Наверное, если бы Пчелка передала мне всего тыщу долларов, но реальными купюрами, я бы тут же ощутила себя миллионершей. А так... Когда я еще доберусь до всех этих счетов и депозитов! И как я до них доберусь?»

Хотя Настя, конечно, понимала, что постепенно во всем разберется, в данный конкретный момент ей стало ужасно тоскливо. И больше всего ее огорчало то, что рядом не было по-настоящему близкого человека, которому можно было бы полностью довериться. Человека, который не только дал бы дельный совет, но поддержал, подбодрил и утешил. Еще вчера она побежала бы за помощью к тете Зине, но не теперь. После того что она прочитала в письме Пчелки, Настя опасалась открывать перед теткой все карты. Да и вообще, как говорят адвокаты, тетка – лицо заинтересованное. Если она узнает, каких денег ее на самом деле лишили, ни за что не сможет преодолеть обиду на бабушку. В таких делах трудно сохранять объективность – не помогают ни доброта, ни благородство. О том, чтобы рассказать обо всем Дашке, вообще речи быть не может. Двоюродная сестра уже и так готова сражаться за квартиру и дачу, а уж за виллу в Испании и апартаменты в Нью-Йорке и вовсе глаза выпарапает. Все же интересно, что такого они сделали? Чем прогневали Пчелку?

В конце концов Настя решила сохранять спокойствие и не торопить события. Если нет рядом близких людей, надо посоветоваться с людьми знающими. Хотя с посторонними, конечно, нужно держать ухо востро. Да и вообще, чем меньше треплешь языком о своих финансовых делах, тем полезнее для здоровья. А то мало ли охотников поживиться? А проще говоря, грубо отнять. Недаром же Пчелка держала все в секрете и никогда никому не говорила о том, чем владела. Конечно, всем было известно, что она живет безбедно. И по границам она каталась, и украшения дорогие носила, и помощницу по хозяйству содержала. Но все давно призывали думать, что деньги достались ей от мужа, и никто не пытался их считать.

«Лучше бы это никогда не случилось! – в смятении подумала Настя. – Жили мы жили, не тужили, и все было так просто и так прекрасно. Зато теперь проблемы плодятся, как кролики. Один вчерашний день чего стоит!»

Воспоминания о вчерашних событиях сразу же привели ее к мысли о Крутове. Как жаль, что к моменту их встречи она еще не знала о просьбе Пчелки его отыскать! Уж тогда бы Настя ни за что не позволила ему отделаться учтивой улыбочкой и непременно затащила бы на ужин, чтобы попробовать поговорить по душам. Интересно, как он отреагирует на предложение забрать себе раритетные машины? Насте почему-то казалось, что он презрительно фыркнет и откажется. Наверное, потому, что представить радость на его каменной физиономии было довольно трудно.

«Ладно, с родственником мы разберемся попозже – это не к спеху, – размышляла Настя по дороге на работу. – Сейчас мне прежде всего нужно поговорить с кем-то из знакомых нотариусов, каковых у меня теперь числится два с половиной».

Половиной она посчитала неопытного, но симпатичного потомственного юриста Даниила Макарова. Именно юристы должны объяснить ей, каким образом следует подступиться к многочисленному и дорогостоящему имуществу прабабушки.

«С ума можно сойти, – думала Настя, маясь в традиционной утренней пробке на Таганской площади. – Квартира на Манхэттене, в Париже, дом в пригороде Лондона, вилла в Испании... Даже представить себе не могу, сколько все это может стоить. Наверное, безумно дорого! А нужно ли вообще продавать всю эту роскошь? Может, оставить все, как было при Пчелке? Пусть все это счастье сдастся внаем, а управляющий будет мне присылать отчеты и перечислять деньги на счет. Надо же, у меня появится собственный управляющий – вот дела! Нет, но я ведь всегда чувствовала, что Пчелка – настоящая аристократка! И как настоящая княгиня, она

родилась в роскоши, в роскоши и умерла. И передала свое богатство мне, своей наследнице, в которой тоже течет немного голубой крови.

Настя невольно расплылась в торжествующей улыбке, но, увидев свою сияющую физиономию в зеркальце заднего вида, смутилась и даже втянула голову в плечи.

«Тоже мне, миллионерша! – принялась она корить себя. – Пчелка на меня надеялась, считала меня разумной, благородной и сильной – такой же, как она сама. Она была уверена, что я смогу позаботиться о ее имуществе и правильно им распорядиться. Но что, если на самом деле я не такая? Вдруг я не справлюсь, и наследство каким-нибудь страшным образом ускользнет от меня, просочится сквозь пальцы?»

Эти мысли явно не добавили ей оптимизма, и она хмуро сдвинула брови. Однако, как и ее прабабушка, долго предаваться унынию Настя не умела, поэтому быстро встряхнулась и постаралась выработать конкретный план действий на ближайшее время. Первым пунктом этого плана стало намерение позвонить Маргарите Платоновне Силиной.

Вихрем ворвавшись в офис, Настя заскочила к шефу узнать, нет ли чего срочного, но Тазов был занят с клиентами и обещал освободиться примерно через час. Обрадованная таким поворотом дела, Настя решила немедленно приступить к осуществлению своей программы действий, то есть связаться с нотариусом и договориться о встрече.

Размашисто шагая по коридору, она чуть не смела с пути коллегу по работе Серегу Смирнова. Тот вовремя успел увернуться, а потом поймал ее за руку и удивленно спросил:

– Чего это ты сияешь, как медный самовар?

– Серега, стыдись, – с улыбкой покачала головой Настя. – Самовар – начищенный, а медный – это грош. Или таз. Читай правильные книжки! – сказала она и, вырвавшись из его рук, потопала дальше.

– Все правильные книжки я уже прочитал! – крикнул ей вслед Смирнов. – Я очень умный, у меня высшее образование.

– Ага, институт самогонварения и рекламы, – весело прокричала девушка и скрылась в лифте.

Разговор с нотариусом Настя считала делом приватным и не хотела, чтобы его услышал кто-нибудь из посторонних. Поэтому она посчитала, что разумнее всего будет позвонить Маргарите Платоновне из машины. Забравшись в салон, который уже успел прогреться под палящими лучами летнего солнца, она быстро набрала номер Силиной. В ответ раздались протяжные нудные гудки. К телефону долго никто не подходил, и Настя подумала, что нотариус, вероятно, совершает какое-нибудь профессиональное таинство – помогает составить завещание или доверенность. Но потом неожиданно трубку сняли, и мужской голос сказал:

– Слушаю вас.

Настя немного растерялась от неожиданности.

– Здравствуйте, – начала она не слишком уверенно. – Я могу поговорить с Маргаритой Платоновной?

– К сожалению, нет, – сухо ответил мужчина.

Тут только до Насти дошло, что Силина собиралась сегодня улететь в отпуск. Видимо, она уже отчалила, оставив вместо себя заместителя.

– Уже уехала отдыхать? – на всякий случай уточнила девушка.

– Простите, вы клиентка? – поинтересовался мужчина.

– Совершенно верно, клиентка. И еще правнучка ее хорошей знакомой. В общем, Маргарита Платоновна мне очень нужна по важному делу. Скажите, а когда я смогу с ней связаться?

– Никогда. Вчера вечером она умерла.

– Как же так – умерла? – воскликнула потрясенная Настя. – Не может быть! Ведь я только вчера днем была у нее в офисе, мы разговаривали...

– В офисе это и случилось. Извините, я больше не могу говорить...

– Вы ее помощник?

– Я ее сын. Если хотите, я сообщу вам позже о дне и месте похорон.

Завершив разговор, ошарашенная Настя осталась сидеть на месте, отчаянно сжимая мобильник в потной руке. Поверить в то, что Силина умерла, было невозможно. Вчера она показала Насте вполне здоровой и бодрой. Сталкиваться со смертью всегда тяжело, а тут умирает не просто хороший человек, но к тому же прабабушкина знакомая, которая бывала у них на даче, и вообще... Еще Пчелка ценила ее как отличного нотариуса, даже в своем последнем письме упомянула. Если уж кому и можно было довериться, то именно ей.

Теперь Насте ничего не оставалось, как обратиться к Семену Григорьевичу Липкину, человеку весьма квалифицированному и довольно приятному, но – абсолютно постороннему. А доверять посторонним сведения подобной важности было стремно. Но разве у нее есть выбор?

Еще предстояло прямо сейчас решить, как быть с работой. Наведение порядка в делах определенно потребует много времени. Но кто же будет мириться с ее постоянными отлучками? Можно было бы, конечно, попросить отпуск, но Тазов не признавал отпусков вне утвержденного графика и до сих пор еще ни разу не отступал от своей принципиальной позиции. Либо идешь в отпуск по плану, либо увольняйся по собственному желанию, третьего не дано.

Неожиданно Настю будто холодной волной окатило. Да ведь теперь ей можно вообще забыть о работе! Материальная независимость! Мечта, с которой засыпают и просыпаются офисные работники. Как это ей сразу в голову не пришло? Она может прямо сейчас положить Тазову на стол заявление об уходе и больше никогда не ходить на службу. Вот это да! С первого взгляда перспектива выглядела заманчиво. Однако Насте сложно было представить праздную жизнь. Ну, неделя, месяц, два... Отдохнуть от суеты, поехать по разным странам, мир посмотреть. Но ведь все это быстро приестся. Или нет? Возможно, самый лучший вариант – это продолжать работать, но уже не за кусок хлеба, а для собственного удовольствия?

Вопрос «быть или не быть», то есть уходить с работы или остаться, терзал Настю до самого вечера, а потом еще долго не давал уснуть. Она представляла себе, как навсегда покидает офис, видела перед собой разгневанное и одновременно огорченное лицо Тазова, неодобрительные взгляды коллег, и чувствовала, как к горлу подступают слезы. Она любила свое дело, уважала босса, и ей жалко было расставаться с ребятами. «Наверное, ни одно важное решение не дается без мучений», – горько вздыхала девушка, не в силах сделать выбор.

Но провертевшись полночи без сна, она все-таки решила подать заявление об уходе. Сделать это надо было прямо с утра, чтобы, так сказать, долго не мучиться. С боссом ей, конечно, предстоит генеральное сражение, но она должна быть твердой. Надо будет придумать, что именно она ему расскажет. Вообще-то Тазов слишком умен и дотошен для того, чтобы можно было надеяться обвести его вокруг пальца. Выдумками или полуправдой ей от него не отделаться. Босс, конечно, был деспотом, но при этом толковым мужиком – вот такое замысловатое сочетание. И еще он был честным.

И тут совершенно неожиданно для себя Настя поняла, что Тазов и есть тот самый человек, которому можно было бы поведать все без утайки. Потому что ему она доверяла безоговорочно.

Так и получилось, что на следующее утро ровно в десять часов тридцать минут Анастасия Батманова решительным шагом вошла в кабинет своего шефа и, подойдя к заваленному деловыми бумагами письменному столу, громко возвестила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.